

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО

«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиоров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy,
Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia,
Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia,
Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia,
St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia,
Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Азизов З. К., Вискалин А. В., Вискалина Е. Е., Федотов Р. Г.

- Позднепалеолитическая мастерская по подготовке и расщеплению ядрищ
Подгорный в Среднем Посурье 7
- Дробышев Ю. И.* Семантика изображения птиц на древнетюркских изваяниях 24
- Худавердян А. Ю., Алексанян Т. А., Мириджанян Д. Г.* Необычное средневековое
перезахоронение индивидов из провинции Сюник (Ангехакот, Армения) 71

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Белоусов С. С.* Организация и регулирование властями миграций калмыцкого
населения в Автономной области калмыцкого трудового народа в 1920-е гг. 92
- Понкратова И. Ю., Федирко О. П., Батаршев С. В., Данилов Г. К., Казимиров И. В.,
Дорофеева Н. А.* Религиозная символическая атрибутика русского севера
в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX — начало XX в.) 104
- Рыблова М. А.* Российское казачество в процессах поиска групповой
идентичности и этнокультурного конструирования 124

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Алексеева Л. С., Горбатов А. В.* Церковные музеи и православное культурное
наследие в Западной Сибири в контексте вероисповедной политики
государства 142
- Недзельюк Т. Г.* Источники для изучения государственно-конфессиональной
и международной политики в степном генерал-губернаторстве (по материалам
Центрального государственного архива Республики Казахстан) 154
- Сгибнева О. И., Беликова Е. О.* Современные религиозные процессы в регионе:
опыт эмпирического исследования в Волгоградской области 167
- Дашковский П. К., Траудт Е. А.* Деятельность комиссий содействия
по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй
половине 1960-х — начале 1980-х гг. 181

ДЛЯ АВТОРОВ 197

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Azizov Z. K., Viskalin A. V., Viskalina E. E., Fedotov R. G.* Late Paleolithic workshop for the preparation and splitting of the cores of the Podgorniy in the Middle Posurie region7
- Drobyshev Yu. I.* Semantics of bird images on old turkic sculptures.....24
- Khudaverdyan A. Yu., Aleksanyan T. A., Mirijanyan D. G.* Unusual medieval burial of individuals from Syunik province (Angekhatot, Armenia) 71

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Belousov S. S.* Organization and regulation by the authorities of migration of the kalmyk population in the Autonomous region of the kalmyk working people in the 1920 s92
- Ponkratova I. Y., Fedirko O. P., Batarshev S. V., Danilov G. K., Kazimirov I. V., Dorofeeva N. A.* Religious symbolic attributes of the Russian north in the system of cultural values of the gizhigin people (XIX — early XX centuries)104
- Ryblova M. A.* The Russian Cossacks in the processes of searching for group identity and ethno-cultural construction124

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Alekseeva L. S., Gorbatov A. V.* Church museums and cultural heritage in the context of religious policy in Western Siberia142
- Nedzelyuk T. G.* Sources for the study of state-refessional and international policy in the steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan).....154
- Sgibneva O. I., Belikova E. O.* Modern religious processes in the region: the experience of studying the religious situation in the Volgograd region 167
- Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.* Activity of the commissions of assistance on compliance with legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s. 181

FOR AUTHORS.....197

УДК 397.4

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02

Ю. И. Дробышев*Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)*

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПТИЦ НА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЯХ¹

В статье систематизируется и анализируется информация о всех известных на сегодняшний день находках древнетюркских каменных изваяний с изображением птицы, а также рассматриваются трактовки исследователей относительно семантики этого образа. Принимая во внимание крайнюю редкость изваяний с птицей и привлекая релевантные этнографические материалы, автор приходит к предположению, что в данном случае птица символизирует не отлетающую душу, как обычно думают, а провожатого души умершего. Выдвигается гипотеза, что такие памятники воздвигали в честь людей, при жизни прославившихся как охотники с хищной птицей, так как все изображения птиц на древнетюркских статуях очень похожи именно на крылатых хищников. Особые, можно сказать мистические, отношения, которые складывались между охотником и его птицей, позволяют предполагать, что она «сопровождала» душу своего хозяина в Верхний мир, оберегая ее от различных опасностей этого путешествия. Поскольку большинство обнаруженных к настоящему времени изваяний с изображением птицы локализуются в Семиречье, в контактной зоне кочевого тюркского и оседлого согдийского миров, можно предположить, что их удостаивались скорее ассимилировавшиеся согдийцы, чем тюрки, иначе их сохранилось бы гораздо больше. Идея птицы-провожатого, возможно, восходит к *фравашам* зороастрийской религии, которые, как считалось, помогали душе усопшего попасть на небо.

Ключевые слова: древние тюрки, каменные изваяния, птица, душа, согдийцы.

Цитирование статьи:

Дробышев Ю. И. Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 24–70. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02.

¹ Эта статья является расширенной версией ранее опубликованной статьи: [Дробышев, 2017: 93–97]. Она вряд ли приобрела бы законченный вид без дружеской помощи Любови Николаевны Ермоленко (КемГУ), которой автор выражает глубокую признательность. Разумеется, за все ошибки и излишне смелые предположения он несет полную персональную ответственность.

Yu. I. Drobyshev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

SEMANTICS OF BIRD IMAGES ON OLD TURKIC SCULPTURES

The article systematizes and analyzes information about all the currently known finds of Old Turkic stone sculptures with the image of a bird, as well as the interpretations of researchers regarding the semantics of this image. Taking into account the extreme rarity of sculptures with a bird and attracting relevant ethnographic materials, the author comes to the assumption that in this case the bird does not symbolize the departing soul, as is usually thought, but the guide of the soul of the deceased. There is a hypothesis that such monuments were erected in honor of people who became famous during their lifetime as hunters with a bird of prey, since all the images of birds on Old Turkic statues are very similar to winged predators. The special, one might say mystical relationship that developed between the hunter and his bird suggests that it «accompanied» the soul of its owner to the Upper World, protecting it from various dangers of this journey. Since most of the bird sculptures discovered so far are localized in the Semirechye, in the contact zone of the nomadic Turkic and settled Sogdian worlds, it can be assumed that they were awarded to assimilated Sogdians rather than Turks, otherwise they would have been much more numerous. The idea of a guide bird probably dates back to *the early days* of the Zoroastrian religion, which, it was believed, helped the soul of the deceased to get to heaven.

Key words: Old Turks, stone statues, birds, souls, Sogdians

For citation:

Drobyshev Yu. I. Semantics of bird images on Old Turkic sculptures. Nations and religions of Eurasia. 2023. T. 28, №. 2. P. 24–70. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

Адрес для контактов: altanus@mail.ru.

Drobyshev Yuliy Ivanovich, candidate of historical sciences, senior researcher of the Oriental history department at the Institute of Oriental studies RAS, Moscow (Russia).

Contact address: altanus@mail.ru.

Введение

Среди сотен известных к настоящему времени каменных изваяний, датированных VI–XIII вв. и обязанных своим появлением тюркоязычным народам², лишь 12 несут изображение птицы (табл.). Изображение на еще одном изваянии настолько плохой сохранности, что безоговорочно считать его птицей нельзя; наконец, имеются три ошибочных или не подтвержденных сообщения о находках памятника с птицей [Дробышев, 2018: 43–45]. Даже если предположить, что 1) какая-то часть изваяний безвозвратно утрачена и 2) еще не все они открыты и введены в научный оборот, их число будет составлять не более 1% от общего количества. С чем может быть связана такая их редкость, пока неизвестно. По всей видимости, их было очень мало уже изначально, поскольку трудно представить, чтобы такие изваяния кто-то преднамеренно уничтожал еще в древности или Средневековье на том или ином основании (если не этнической ксенофобии, то религиозной или социальной), хотя случаи «войны с памятниками» хорошо известны, например, обычай кочевников «обезвреживать» захваченные земли посредством разрушения памятников их прежних хозяев. Чаше всего с этой целью отбивали головы статуй, так как именно в них, согласно представлениям номадов, сохранялась сила погребенного героя. Не менее известна и склонность некоторых фанатично настроенных мусульман к уничтожению изображений человека³, поскольку каноны этой религии запрещают изображать людей. Но памятники, на которых были бы видны следы уничтожения именно изображения птицы, насколько мы можем судить, пока не обнаружены, да и основания для подобного вандализма предположить сложно.

Известно, что древние тюрки могли окрашивать каменные изваяния или их части [Кубарев, 1984: 20, 82; Ермоленко, 2003: 236–239]. Отсюда можно предположить, что птица могла быть нарисована, однако с течением времени исчезала бесследно; может быть, это исчезновение даже символизировало постепенный переход души в иной мир. Однако даже если это было так, без ответа остается вопрос: почему в некоторых случаях птицы высекались на камне, чтобы сохраниться на века? Более того, в научной среде до сих пор нет единства в понимании значения этого образа.

История изучения

По-видимому, первое упоминание о тюркском изваянии с птицей принадлежит французскому ориенталисту и путешественнику Шарлю Эжену де Уйфальви, в 1876–1878 гг. побывавшему в Центральной России, Средней Азии и Сибири. Он видел та-

² Так, японский исследователь Т. Хаяши сообщает о 991 изваянии по состоянию на 2001 г., распределенном по регионам следующим образом: Монголия – 330, Алтай – 256, Тува – 100, Хакасия – 5, Восточный Туркестан – 182, Кыргызстан – 100, Узбекистан – 20, Туркменистан – 2, Таджикистан – 1 [Hayashi, 2001: 221–240]. На самом деле их гораздо больше. В свое время С. А. Плетнева собрала сведения о 1323 только половецких изваяниях [Плетнева, 1974]. На Алтае В. Д. Кубарев насчитал 256 статуй [Кубарев, 1984]. Д. Ф. Винник сообщает о примерно 600 изваяний, известных к середине 1995 г. только в Кыргызстане [Винник, 1995: 175]. Л. Н. Ермоленко использовала данные о 526 изваяниях из Казахстана, Кыргызстана и сопредельных территорий Омского Прииртышья и Южного Приуралья [Ермоленко, 2004]. Каталог музейных коллекций Южной Сибири включает 55 древнетюркских статуй, немалая часть которых была опубликована ранее В. Д. Кубаревым [Кубарев В. Д., Кубарев Г. В., 2013]. В Монголии учтено 737 изваяний древнетюркской эпохи и 9 – уйгурской [Монголын археологийн өв, 2016: 38].

³ Достаточно вспомнить печальную судьбу бесценных древних фресок Восточного Туркестана, а из новейшей истории – подрыв боевиками Талибана бамианских буддийских колоссов.

кое изваяние в Семиречье на почтовой станции Алтын-Эмель и счел его калмыцким [Expedition scientifique, 1879: 108, 139]⁴: «Уйфальви видел в ташкентском музее «трахитового⁵ идола, найденного близ озера Иссык-Куля, вероятно, калмыцкого происхождения». Эта каменная баба ничем не напоминает «идола из известняка, находящегося на Алтын-эмеле»; последнего он видел на алтын-эмельской почтовой станции; «это мужчина, с поджатыми ногами, держащий в правой руке голубя; работа грубая, вообще калмыцкого происхождения»; на Алтын-эмеле в горах было две каменных бабы, но генерал Колпаковский⁶ велел одну перевезти в Верный» [Аристов, 2001: 60].

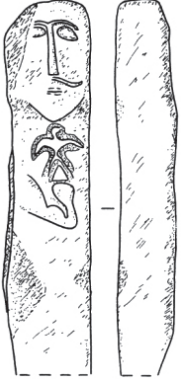
Перечень изваяний с изображением птицы
List of sculptures depicting a bird

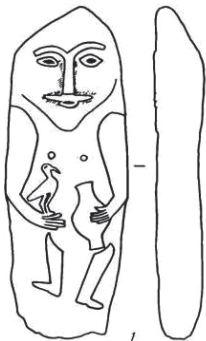

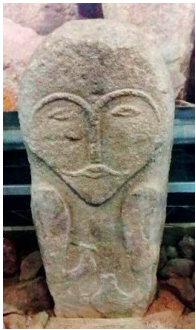

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
1		Алтын-Эмель, Жетысу	Томский государствен- ный университет	Ch. E. de Ujfalvy, 1879; Флорин- ский, 1896; Шер, 1966	нет
2		Дегерес, Жам- былский р-н, Жетысу	РКМ Казахстана, Алматы	Шер, 1966	есть

⁴ К этому тому был приложен рисунок «калмыцкого идола». К сожалению, эта публикация оказалась нам недоступной; ссылка дается по работе: [Аристов, 2001: 60].

⁵ Трахит (от греч. *τραχύς* – шероховатый, неровный) – магматическая горная порода.

⁶ Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896) – генерал от инфантерии, прославившийся участием в завоевании, а затем и в обустройстве Средней Азии. Помимо прочего, курировал проведение археологических изысканий по линии Императорского Русского географического общества.

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
3		Кара-Балты, Чуйская долина, место находки не установлено	ИМ Кыргызстана, Бишкек; ныне, по-видимому, утрачено	Бернштам, 1943; Шер, 1966	нет (?)
4		Каркаралинск, Центральный Казахстан	Томский государственный университет	Флоринский, 1896; Шер, 1966	нет
5		Курдай, Чуйская долина	Государственный Эрмитаж, С. — Петербург	Бернштам, 1941; Бернштам, 1950; Шер, 1966	нет
6		700 м к юго-юго-востоку от озера Караколь, Жарминский р-н, Семипалатинская (ныне Восточно-Казахстанская) обл., Казахстан	Находится на месте обнаружения (?)	Ермоленко, 1999; Ермоленко, 2004	есть (?)

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
7		Ущелье Унгурли, совхоз «Коммунизм», Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Музей казахских народных музыкальных инструментов имени Ыкыласа, г. Алматы	Чариков, 1989, Байбосынов, 1996	есть
8		Ущелье Унгурли, совхоз «Коммунизм», Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	Байбосынов, 1996	есть
9		Урочище Дальний Жайсан, Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	Сокровища древнего Тараза, 2008 (только фото)	есть
10		Урочище Дальний Жайсан, Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан (условия обнаружения неизвестны)	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	?	есть

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
11		Их-Асгат, Булганский аймак, Монголия	Находится на месте обнаружения	Ядринцев [Радлов, 1892]	есть
12		Сомонон Ундурхангай, Убус-Нурский аймак, Монголия	Находится на месте обнаружения	Тудэв, 2014	есть
13		Урочище Кой-Са-ры, Кыргызстан	Находится на месте обнаружения (?)	Винник, 1963	Возможно, в правой руке изображена не птица, а сосуд

Примечание. Изваяния 7 и 8 *in situ* были ориентированы лицами на север.

Затем появляется сообщение [Флоринский, 1888: 167–169], а позже и объемистый труд врача, археолога и общественного деятеля В. М. Флоринского (1834–1899), где дается описание алтын-эмельского изваяния, к тому времени доставленного в музей при Томском университете⁷, а также приводятся фотографии его и еще одного изваяния с птицей из Каркаралинска. В отличие от Ш. Э. де Уйфальви, автор довольно высоко оценивает мастерство древнего каменотеса, а в птице видит сокола, а не голубя: «Истукан, доставленный в музей Томского университета с Алтын-Эмельского пикета (в 112 верстах от реки Или, по тракту), отличается от прочих тем, что, вместо чаши,

⁷ О перипетиях доставки алтын-эмельского и каркаралинского изваяний в музей и об их последующей судьбе см.: [Ожередов, 2016: 457–470].

на кисти правой руки он держит птицу (похожую на сокола). Эта фигура (см. табл. IX) представляет полного мужчину с круглым лицом и круглою головой. Передняя часть головы, по-видимому, показана без волос, но с левой стороны на темени высечена полукруглая выдающаяся шишка, величиною с куриное яйцо, может быть, представляющая чуб. Кзади от этой шишки, на затылке, волосы подобраны и подтянуты узкою, рельефно высеченною лентою. Эта лента захватывает только затылочную и височные части, оканчиваясь против ушей круглыми колечками. Подобренные на затылке и перехваченные лентою волосы частью опускаются из-под повязки на спину, но дальше шеи проследить их нельзя, потому что задняя часть фигуры (спина) оставлена без всякой скульптурной отделки. Голова, торс, руки и птица высечены довольно отчетливо и искусно, а ноги только очерчены по плоскости камня, без рельефной округлости. Они изображены скрещенными внутрь, что называется «калачом» [Флоринский, 1896: 39, табл. IX, рис. 11–12].

В начале 1940-х гг. на статуи с изображениями птиц обратил внимание А. Н. Бернштам, хотя в первой публикации о результатах археологических работ в Киргизии он лишь дает изображение одной из таких статуй, обнаруженной в местечке Курдай (Чуйская долина, № 5 нашей таблицы), но описание статуи не приводит и наличие птицы не комментирует [Бернштам, 1941: 62–63, табл. X, рис. 8]. В книге, вышедшей два года спустя, автор пишет по поводу находки из Кара-Балты: «Особый интерес представляет одно изваяние, найденное не *in situ*, изображающее мужской торс (голова отбита), левой рукой изображение держит чашу, а на правой сидит сокол. Такого типа изваяние до сих пор было известно только одно» [Бернштам, 1943: 20]⁸. В качестве иллюстрации он приводит очень нечеткий рисунок, выполненный художником М. В. Рындиным [Бернштам, 1943: табл. VI, рис. 13]. Попыток объяснить наличие сокола А. Н. Бернштам не предпринимает.

Спустя 20 лет появилась статья Д. Ф. Винника, посвященная находкам Иссык-Кульского археологического отряда в урочище Кой-Сары в Киргизии. Среди них автор упоминает изваяние, возможно, держащее в согнутой правой руке птицу, формы которой едва можно проследить [Винник, 1963: 30].

Я. А. Шер в своей ставшей классической монографии по семиреченским изваяниям привлек публикации В. М. Флоринского и А. Н. Бернштама и дополнил их еще одним изваянием, условия находки которого в Дегересе (Семиречье) остались неизвестными, а само оно хранилось в музее Алма-Аты. Таким образом, монография Я. А. Шера учитывает пять изваяний с птицей и включает их описания, ссылки на источники и изображения [Шер, 1966: 113–114, 116, табл. XXIII, рис. 105–108]. От каких-либо трактовок семантики изображения птицы автор воздерживается [Шер, 1966: 55].

Краткое сообщение Н. С. Модорова о нахождении древнетюркской статуи с птицей в Улаганском районе Горного Алтая не сопровождается ее публикацией [Модоров, 1972: 47–48]. Каких-либо дополнительных сведений об этом изваянии нам обнаружить не удалось.

⁸ Автор имел в виду курдайское изваяние. Похоже, А. Н. Бернштам не знал о публикациях В. М. Флоринского.

В 1989 г. вышла статья А. А. Чарикова с сообщением о новой находке изваяния с птицей в Казахстане [Чариков, 1989: 184–192]. Позже этого вопроса касалась Л. Н. Ермоленко [Ермоленко, 1992: 94–96; Ермоленко, 1999: 86–91].

Книга К. Байбосынова, вышедшая в 1996 г. на казахском языке, содержит фотографии двух изваяний, держащих в руке птицу [Байбосынов, 1996: 111]; одно из них было ранее опубликовано А. А. Чариковым. Появившийся несколько позже фотоальбом «Сокровища древнего Тараза» включает одно фото скульптуры с птицей [Сокровища древнего Тараза, 2008: 116].

Последним обобщающим трудом по каменной скульптуре Казахстана является монография Л. Н. Ермоленко, в которой приводятся сведения также о пяти изваяниях с птицей. Исследовательница пришла к заключению, что они не представляют собой обособленный тип, так как встречаются в комплексе с различными группами изваяний [Ермоленко, 2004: 45]. Насколько нам известно, только в двух из существующих классификаций древнетюркских изваяний монументы с фигурой птицы выделены в отдельную категорию — у Я. А. Шера [1966: 26] и у турецкого ученого Октая Белли [Belli, 2003: 93].

Семантика образа птицы

Прежде чем пытаться истолковывать символику атрибутов тюркских изваяний (сосуд, оружие, пояс и другое, включая и птицу), ученым было необходимо решить принципиальный вопрос о назначении самих изваяний. В результате длительной дискуссии победила точка зрения, что это памятники, маркирующие элитные поминальные комплексы древних тюрков и обозначающие усопших/погибших героев. Привлечение лингвистических и этнографических материалов привело к предположению, что птица символизирует душу покойного, и теперь поколения археологов и историков удовлетворяются этой догадкой, не ставя при этом вопрос, который, казалось бы, не может не возникнуть: почему птица изображена далеко не на каждом изваянии? Ведь не значит же это, что памятники, лишенные таких изображений, ставили героям еще при их жизни. Очевидно, покойный должен был чем-то отличаться от подавляющего большинства своих соплеменников.

То, что душа человека покинула его тело, ясно уже из самого факта установки в его честь изваяния. Дублирование констатации смерти еще и какими-то изображениями на этом изваянии кажется излишним, хотя исключить такую вероятность нельзя: известны примеры даже мультиплицирования той или иной идеи при проведении различных ритуалов (так называемый парад знаковых систем), и чем значимее ритуал, тем больше средств выражения заложенной в нем идее находили люди.

Значительно реже высказываются предположения о том, что птица символизирует особую небесную силу, которой обладают герои, — *кут*⁹. Именно наличие этой силы позволяет человеку вершить подвиги, возглавлять соотечественников и вести их к победам. Представляли ли древние тюрки *кут* в орнитоморфном виде, сказать трудно, и тут на помощь приходят аналогии с *фарном*, почерпнутые из зороастрийской культуры

⁹ Одна из лучших работ в этой области — до сих пор не утративший своего значения труд А. Бомбачи [Bombaci, 1965: 284–291; 1966: 13–43].

ираноязычных народов, в том числе из священных текстов Авесты, где *фарн* в виде птицы покидает Йиму (Джамшида) — правителя из легендарной династии Пишдадидов:

«А когда он (Йима) ту лживую речь
Возлюбил,
То на глазах у всех от него х^ʿarənah
В облике птицы отлетел.
Не видя любимого х^ʿarənah,
Зашатался безрадостный Йима;
Оказавшись во власти врага,
Рухнул на землю.
Когда первый раз отвернулся
Х^ʿarənah от светлого Йимы,
Отлетел х^ʿarənah от Йимы
В облике птицы vārəpna» [Бертельс, 1960: 57].

В своей «птичьей ипостаси» *фарн* предстает в виде хищника, по мнению большинства ученых, сокола. Птица на тюркских монументах, как правило, похожа на сокола, что, наряду с твердо установленным фактом тесного взаимодействия тюркоязычных и ираноязычных народов в древности и раннем Средневековье, позволяет допустить вероятность перенесения этого образа в кочевую среду, тем более, что тюркские изваяния воздвигались в честь героев, очевидно, обладавших этой божественной силой. Впрочем, такое предположение требует объяснения, почему тюрки воспользовались символом, рожденным в другой культуре, и даже если получится доказать наличие заимствования, следует выяснить, в силу чего статуи с птицами во всех остальных деталях практически ничем не отличаются от всех остальных статуй (назовем их условно «не харизматичными»). На сегодняшний день удовлетворительное объяснение получила семантика птицы на тиаре знаменитого деятеля Второго каганата Кюль-тегина (684? — 731), восходящая, вероятно, к сасанидским образцам и через посредничество образа Вайшраваны (божества — стража богатств и хранителя севера), почитавшегося в Китае эпохи Тан (618–907) и имевшего на головном уборе изображение птицы, попала к тюркам [Chen Ling, 2017: 139–198].

Можно предполагать также, что изваяния с изображением птицы были посвящены индивидам, занимавшим в древнетюркском обществе какое-либо особое положение: шаманам или служителям иных культов, представителям каких-то специфических профессий, инкорпорированным в кочевую среду иноземцам (тут на память приходят в первую очередь согдийцы), иноплеменным брачным партнерам и т. д. В иконографии этих монументов не прослеживается какой-либо определенной системы, которая могла бы дать ключ к расшифровке их этнической или социальной принадлежности. Однако эта мысль представляется нам перспективной, и мы к ней еще вернемся.

Из всех древнетюркских изваяний с птицей надежно атрибутированы лишь два, оба из Монголии, причем одно из них сразу оставим за скобками — это найденная в 1958 г. чешско-монгольской археологической экспедицией под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджавы голова от статуи Кюль-тегина, о котором говорилось выше. Птица на тиаре там явно несет геральдическую нагрузку, являясь символом власти [Кубарев,

1984: 25]¹⁰, и, возможно, обозначает китайского феникса [Stark, 2009: 119–133; Çeşmeli, 2015: 67–80]¹¹. Сам Л. Йисл выдвинул несколько гипотез относительно семантики птицы на головном уборе Кюль-тегина, в частности, провел параллели с птицей на коронах сасанидских монархов. По его мнению, довольно схожая с древнетюркской птица изображена на монетах Ардашира II (379–383) и просматривается на его короне. У нее длинная шея и наклоненные крылья. Л. Йисл, однако, считал эту аналогию отдаленной, поскольку нет никаких указаний на заимствование этого образа тюрками; нет и свидетельств о культе подобного рода птиц в среде тюрков того периода. Однако ученый предположил, что в данном случае мы имеем дело с китайской мифической птицей *цзинью* и, следовательно, можем допустить, что этот символ оказывается заимствованным тюрками у китайцев. Считалось, что *цзинью* способна отводить несчастья и указывать путь выхода из трудной ситуации. Пытаясь найти собственно тюркские истоки образа птицы, Л. Йисл пришел к выводу, что, скорее всего, она символизировала душу человека, но признал, что доказать эту версию пока невозможно. В заключение он предложил еще один вариант интерпретации изображения птицы на тиаре Кюль-тегина — в качестве символа высокого социального статуса умершего [Jisl, 1997: 71–72]¹². Э. Кагеяма считает, что «крылатый» головной убор Кюль-тегина напоминает сасанидскую корону «типа Пероза», получившую свое название по короне, которую носил шаханшах Пероз I после 476/477 г. Ее образ скопировали эфталиты, а у них позаимствовали согдийцы [Kageyama, 2007: 11–22], и уже отсюда несложно предположить ее рецепцию тюрками. В любом случае давно уже пора отказаться от истолкования этой птицы как знака отлетевшей души [Дробышев, 2017: 181–182].

Второе атрибутированное изваяние — каменная плита из Их-Асгата (Булганский аймак), впервые описанная Н. М. Ядринцевым [Радлов, 1892: 39], принадлежность которой считается точно установленной благодаря наличию на ней рунической надписи. Она посвящена некоему Текешу¹³ и его двум безвременно скончавшимся сыновьям: «(Памятник) Текеша, младшего брата Кюль-тудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах Алтун Тамгантархана, младшего брата Кюль-тудуна (мы сделали этот памятник) ... Оставшиеся два сына его, Торгул и Йэльгек, в год свиньи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись (с вами)» [Малов, 1959: 45]. На каменной плите высечены три мужские фигуры: скорее всего, это сам Текеш и его сыновья, пребывающие, надо полагать, в сцене за-

¹⁰ То же самое необходимо сказать о золотой тиаре Бильге-кагана, также найденной при раскопках в Хушо-Цайдаме. Третья находка со стилистически идентичной фигурой птицы — золотая бляха от одежды — была сделана в Первом кургане могильника Каракыстак-3 в Семиречье. Порой эти три изображения расценивают как олицетворение небесного фарна (тюрк. *кут*), присущего тюркской элите [Досымбаева, 2007: 75] (рисунок бляхи с птицей украшает обложку книги Досымбаевой).

¹¹ Некоторые исследователи видят в ней орла [Кляшторный, 2003: 56] или сокола [Ермоленко, 1998: 96–97]. Возможно, уместной будет аналогия с фигурой сокола на головном уборе танских военных чиновников.

¹² Благодарю Д. В. Рухлядеву за указание на эту публикацию.

¹³ По поводу его личности и времени его жизни существуют лишь предположения. Судя по его прозвищу, он служил хранителем каганской печати, а наличие тамги Ашина указывает на его принадлежность к правящему клану. Годом свиньи в эпоху тюркских каганатов могли быть 555, 567, 579, 591, 603, 615, 627, 687, 699, 711, 723, 735 и 747 гг. Скорее всего, похоронен он был не позже середины VIII в., когда власть этого клана в степях закончилась.

упокойного пира, а справа сверху, над *тамгой* Текеша, помещено изображение птицы, по-видимому, сокола. Впрочем, существуют и другие трактовки. Так, Т. Озава считает, что это китайский феникс [Osawa, 2000: 201]. По мнению ряда исследователей, птица олицетворяет душу умершего Текеша, и такие же души-соколы изображены на изваяниях из Семиречья [Кызласов, 1964: 34–35; Кызласов, 1969: 41; Tryjarski, 1991: 75]¹⁴. Мы полагаем, что это единственный случай, когда можно принять версию о символике птицы как души, поскольку памятник резко отличается от типичных древнетюркских статуй, и птица находится не в руке человека, а в стороне от него и несколько выше.

Цитированная надпись как будто дает повод полагать, что мысль о нетюркской принадлежности памятников с птицей ошибочна¹⁵. Однако на самом деле она не позволяет делать заключение относительно *всех остальных* изваяний, на которых изображена птица.

Помимо этого, образ птицы включен в орнаменты на некоторых каменных плитах поминальных комплексов тюркских вождей с территории нынешней Монголии, но особенности его исполнения побуждают видеть в нем чисто китайскую стилистику, поэтому здесь мы его не обсуждаем и возвращаемся к статуарным памятникам древних тюрков.

Как правило, птица изображается в правой руке статуи¹⁶, там, где обычно находится сосуд. Известно два бесспорных случая, когда сосуд помещен в левую руку, тогда как правая занята птицей [Чариков, 1989: 184–185; Байбосынов, 1996: 111; Түдэв, 2014: 264–265, 278], и один сомнительный, когда птица вроде бы находится в правой руке над сосудом [Ермоленко, 1999: 88], но поручиться за точность последней интерпретации нельзя, поскольку прочерченные на камне линии позволяют трактовать рисунок по-разному. Кроме того, трудно представить достаточно крупное пернатое существо, сидящее на небольшом сосуде. Изображения различных деталей на древнетюркских изваяниях вполне реалистичны, поэтому кажется маловероятным, что резчик объединил эти два плохо сочетаемых фрагмента. Хорошо известно, что в кочевом мире держать во время пира сосуд с напитком (тем более ритуальным, раз речь идет о тризне) в левой руке является грубейшим нарушением этикета. Не случайно древ-

¹⁴ Здесь можно было бы спросить, почему птица олицетворяет лишь душу Текеша, хотя памятник поставлен не только ему, но и двум его сыновьям, т.е. птиц, казалось бы, должно быть три. Можно, конечно, предположить, что создатели погребально-поминального комплекса в Их-Асгате имели в виду некую «родовую душу», но доказать это вряд ли получится. Т.Д. Скрынникова, тоже задавшаяся вопросом о несоответствии числа мемориантов числу изображенных птиц, высказала догадку, что в данном случае птица знаменует собой харизму рода Текеша в ее орнитоморфном облике [Скрынникова, 2013: 281].

¹⁵ Точнее, как уже говорилось, здесь мы имеем дело с выходцем из клана Ашина, но генезис самого клана неясен и может быть связан с тюркским этническим субстратом лишь на сравнительно поздней стадии.

¹⁶ Фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в столицу Монгольской империи Каракорум по поручению французского короля Людовика IX (1226–1270), засвидетельствовал не только развитую среди монголов соколиную охоту, но и тот факт, что «соколов и кречетов носят на правой руке» [Гильом де Рубрук, 1997: 97]. См. также: [L'empire de Gengis-khan, 1963: III. №№ 3, 3b, 15, 15a, 25; Юрченко, 2012: 92]. Аналогично поступали охотники средневекового Китая, в том числе и современники тюркских каганатов [Schafer, 1958: 316]. Вряд ли древние тюрки держали охотничьих птиц иначе.

нетюркские статуи держат сосуд в правой руке, и лишь в очень редких случаях сосуд изображен в левой руке, причину чего также было бы желательно выяснить. Возможно, именно поэтому птица просто замещает собой сосуд в правой руке статуи, и он не переносится в левую руку.

Существует много трактовок назначения сосуда в руках древнетюркских и кыпчакских изваяний. Большинство авторов соглашаются в том, что в сосуде «находится» ритуальный напиток, который «употребляется» умершим героем совместно с его живыми сородичами¹⁷. Мы также придерживаемся этой точки зрения. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов предположили, что сосуд содержит «жизненную силу» воина [Кляшторный, Савинов, 2005: 245]. Если эта реконструкция окажется подтвержденной, то смысл замены сосуда птицей может получить дополнительное обоснование: пернатый хищник — та сила, которая поднимает душу героя в Верхний мир.

Как уже говорилось, мысль о том, что птица символизировала отлетающую душу (или одну из душ) покойного героя, прочно завладела умами ученых [Tryjarski, 1991: 75, 303; Войтов, 1996: 75; Елеукенова, 1999: 68, 80; Бичеев, 2008: 14; Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011: 208]¹⁸. Надо признать, что она имеет под собой достаточно мощный фундамент фактов, собранных поколениями исследователей в Средней и Центральной Азии, и у нас нет никаких оснований подвергать ее сомнению.

Пожалуй, наиболее весомым является лингвистический аргумент. В языке древних тюрков одним из значений глагола *иç-*, наряду с основным «летать, парить», также является «умирать» [Древнетюркский словарь, 1969: 603; Севортян, 1974: 612–613; Тенишев, 1976: 169]. Согласно подсчетам Э. Трыярского, в орхонских рунических надписях эта идея воплощается семь раз [Tryjarski, 1991: 78–79]. Например, Большая надпись Кюльтегина включает следующий оборот: «Kül tigin qoñ yülqa yity yegirmikä uçdi» («Принц Кюль умер (букв. улетел) в семнадцатый день года Овцы») [Talat Tekin, 1968: 237, 272]. Ср.: [Малов, 1951: 38]. Затем к этому образу прибегали уйгуры. Так, надпись на памятнике уйгурскому Моюн-чуру (так называемый «Селенгинский камень») гласит: «Anta kesrä qañim qağan uçdi» («После этого мой отец каган скончался») [Малов, 1959: 30–44]. Указанное значение глагол сохранил и в XIV в. В уйгурском документе под шифром Ра

¹⁷ Данная версия тем более вероятна, что чашу или кубок с напитком кочевники иногда помещали в могилу. Так, секретарь посольства аббасидского халифа ал-Муктадира (895–932) Ахмад ибн Фадлан отметил следующий момент в похоронном обряде огузов на Волге: «А если умрет человек из их [числа], то для него выкоют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме» [Ковалевский, 1956: 128]. *Набиз* — хмельной напиток, приготавливаемый из фруктов, злаков, меда. Подобный обычай зафиксировал Плано Карпини у монголов: «Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком...» [Плано Карпини, 1997: 38].

¹⁸ Один из исследователей даже нашел в появлении монументов с птицей прогресс по сравнению с монументами, держащими в руках сосуд: «А в Семиречье фантазия некоторых ваятелей стала изображать на руках статуй вместо канонизированных кубков и прочих сосудов, птиц. Образ птицы, тесно связанный с поминальным культом и символизирующий одну из душ покойного (по представлениям тенгрианцев тюрков), свидетельствует о значительном шаге вперед, который проделали древнетюркские скульпторы в сторону большей абстракции изобразительных форм искусства» [Шарипов, 2014: 327].

17 (= USp 22), составленном в годы правления первого хана Моголистана Туглуг Темюра (1347–1363) и представляющем собой обращение к правителю о необоснованности налога на наследственные земли, есть фраза «*bu yil-ta aqa uçur*» («после гибели в этом году старшего брата») [Уйгурские деловые документы, 2013: 104–107].

Судя по некоторым данным, монголы унаследовали от тюрков понятие о связи смерти с образом птицы (либо имели свое). В монгольских летописях смерть Чингис-хана уподобляется «превращению» в птичье крыло. Заслуживает внимания тот факт, что в его оплакивании речь идет о хищной птице:

«Обернувшись крылом парящего ястреба,

ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки грохочущей, государь мой?

Обернувшись крылом добычу хватающего ястреба, ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки с вертящейся осью, государь мой?

Обернувшись крылом щебечущей птички, ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки скрипящей, государь мой?» [Лубсан Данзан, 1973: 240–241]¹⁹.

Известный монголовед Н. П. Шастина объясняет этот пассаж влиянием шаманизма: «Трижды повторенный образ крыла отлетающей птицы представляет собой одно из шаманских верований, согласно которому иногда душа улетает на крыле птицы в загробный мир» [Шастина, 1977: 476]. Аналогично его понимает С. Ю. Неклюдов [1984: 246].

Впрочем, есть и другая трактовка образа птицы у средневековых монголов, изоморфная символизму птицы (точнее, сокола) в культуре ираноязычных народов [Baumann, 2013: 256]. Это символ особой духовной силы — харизмы (монг. *сульдэ*), наличие которой делало человека вождем. В образе белого сокола она явилась во сне унги-ратскому Дай-Сечену из «Сокровенного сказания монголов» [Козин, 1941: § 63]; по мнению Т. Д. Скрынниковой, эта птица как раз и олицетворяла *сульдэ* Есугея [Скрынникова, 2013: 249] — отца Тэмучжина (так в детстве звали Чингис-хана), ибо судьба отвела Дай-Сечену роль тестя Чингис-хана.

Возвращаясь к наследию тюркоязычных народов, нельзя пройти мимо знаменитого творения Захир ад-Дина Мухаммада Бабура (1483–1530) — написанных на чагатайском языке мемуаров, известных как «Бабур-наме». Говоря об уходе из жизни тех или иных людей, автор использовал различные стилистические приемы. По отношению к самым близким и почитаемым родственникам мужского пола — своему отцу Омар Шейху мирзе и его деду по материнской линии Юнус хану он употребил поэтическую формулу *şınqar boldy* («стал соколом») [Благова, 1994: 127–128; Сравнительно-историческая грамматика, 2006: 704–705].

Уподобление души птице, а тела — клетке бытовало на средневековом мусульманском Востоке. Так, чувствуя приближение смертного часа, великий Тимур (1336–1405) якобы изрек: «Подлинно знаю, что птица духа собирается улететь из этой клетки...» [Шараф ад-Дин Али Йазди, 2008: 343]. Бухарский Субхан-Кули-хан (1680–1702) из ди-

¹⁹ Буквальный перевод: «ушел (отправился), став крылом птицы» (консультация П. О. Рыкина (ИЛИ РАН)).

настии Аштарханидов выразился аналогично (если балхский историк не «заставил» его процитировать Тимура): «Я точно знаю, что птица (моей) души (скоро) вылетит из клетки тела и найдет убежище в божественном чертоге» [Мухаммед Юсуф мунши, 1956: 177].

Тем не менее, приписывание указанной символики *любому* изображению птицы на культовых объектах, в том числе связанных с похоронно-поминальной обрядностью, выглядит сомнительно. Представление о птице-душе широко распространено по земному шару и зафиксировано у различных народов, этнически и культурно нередко очень далеких друг от друга [Соколова, 1972: 107–111; Иванов, Топоров, 1992: 347]. Крупный специалист по монгольским древностям Э. А. Новгородова считает изображения птиц, найденные в Центральной Азии, символом предков с конца IV–III тыс. до н. э. и до начала XX в. По ее мнению, птицы в руках древнетюркских статуй можно считать знаком отлетевшей души [Новгородова, 1986: 55–56]. Однако А. И. Мартынов и В. Ю. Чигаева, различая целый ряд основных сюжетов с птицами среди петроглифов Севера Азии, не выделяют из них ни одного, который был бы как-то связан со смертью [Мартынов, Чигаева, 2006: 317].

Ситуация запутывается еще больше, если в птице видят тотем рода, которому принадлежит покойный. Что касается тюркского правящего клана Ашина, то его тотемом, как известно, считается волк, но среди древнетюркских тамг имеется тамга, осмысливаемая как знак ворона. В 647 г. западно-тюркский каган преподнес танскому императору некую «золотую птицу», и чиновник Ван Циньжо прокомментировал этот дар: «Это был Ворон. Они (тюрки. — Ю. Д.) вырезали из дерева пернатое существо и покрыли его золотом». Обсуждая этот эпизод, Ю. А. Зуев указал, что прилет в Китай птиц, похожих на ворон, якобы предвещал нашествие тюрков. По его мнению, речь идет о копытке, «тюркской пташке». На этом основании ученый считает птицу на тиаре Кюль-тегина олицетворением Ворона-Солнца [Зуев, 2002: 25, 226]²⁰. Однако копытка, она же саджа (лат. *Syrrhaptēs paradoxus*), гораздо меньше вороны, не говоря уже о вóроне, имеет иную окраску и принадлежит к другому семейству рябковых (лат. *Pteroclididae*).

Еще менее убедительными выглядят трактовки, где птица-душа непосредственно не фигурирует, но подразумевается. Так, Э. Г. Гафферберг объясняет обычай белуджей Туркмении обсыпать могилу пшеницей представлением о том, что душа покидает тело в образе птицы. Но как объяснить выливание на эту же могилу двух-трех ведер воды [Гафферберг, 1975: 241]? Скорее, в этом обряде воплощается практически универсальная символика возрождения к новой жизни. Поэтому не так уж редки в древних могилах находки зерен злаков.

Одним из первых, кто высказал предположение о том, что статуи с птицей могли посвящаться охотникам, использовавшим ловчих птиц, был А. Н. Бернштам, но он нашел позу птицы более соответствовавшей посадке голубя, а не пернатого хищника, и практически сразу ушел к гипотезе о птице-душе и вспомнил заодно древнетюркский тотемизм [Бернштам, 1952: 145]. В. Д. Кубарев и В. И. Забелин в своей содержа-

²⁰ Точка зрения Ю. А. Зуева находит сторонников: [Bogenbaev, Shaldarbekova, Zhalmirza, 2014: 616].

тельной статье предположили, что на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана показана ловчая птица, однако, они не развили эту тему [Кубарев, Забелин, 2006: 100]. Проанализировав детали изваяния с птицей, найденного в ущелье Унгурли, на территории совхоза «Коммунизм» Чуйского р-на Джамбулской области Казахстана, А. А. Чариков верно заметил: «На правой руке, по-видимому, ловчая птица из семейства орлиных, по очертаниям напоминающая степного орла. Расположением на руке — в том месте, где обычно и усаживают ловчих птиц во время охоты, — видимо, определяется функциональное назначение птицы» [Чариков, 1989: 184]. В то же время исследователь не исключал и вероятность тотемистического осмысления этого образа, допуская, что «в данном случае в образе птицы заложена двойная смысловая нагрузка» [Чариков, 1989: 184]. По вполне убедительному утверждению Н. Базылхана, на некоторых памятниках (из Дегереса и Кара-Балты) высечена фигура сокола (*сункара*) [Базылхан, 2013: 163, 167–168]. Эту идею поддерживает Ю. И. Ожередов [2016: 466].

По-видимому, ближе всех к решению загадки с изображениями птиц подошел петербургский этнолог Г. Н. Симаков. Комментируя соображения Я. А. Шера относительно семиреченских изваяний с птицами, автор высказался с большой определенностью: «Мы в свете этнографических данных видим в этом факте два взаимосвязанных момента: во-первых, то, что погибший, умерший воин был при жизни заядлым соколятником, во-вторых, что птица на памятнике, воздвигнутом в его честь, является символическим изображением души умершего, ее материальным воплощением» [Симаков, 1998: 63]²¹. На этих же страницах Г. Н. Симаков привел ряд примеров из среднеазиатской этнографии в подтверждение своих слов и сделал заключение, которое представляется очень важным: «У нас есть некоторые основания полагать, что ловчая птица была таинственным образом связана с душой ее хозяина и при жизни» [Симаков, 1998: 62]. Действительно, эта связь была настолько интимной и значительной, что владелец сокола или другой хищной птицы никогда не соглашался отдать ее или продать, а если птица терялась, он отправлялся на долгие поиски, ибо это было равносильно потере собственной души и (по крайней мере, в эпических произведениях народов Средней Азии и Казахстана) приводило человека к смерти [Симаков, 1998: 64–66].

Представляется, что Г. Н. Симаков находился буквально в одном шаге от правильного решения. Убедительно обосновав связь души хозяина с его охотничьей птицей, он в итоге уподобил душу птице (в вышеприведенной цитате это продемонстрирова-

²¹ Этому не противоречат сообщения источников о поднесении пернатых хищников в дар, как, например, было в случае передачи кыргызскими послами белых соколов монголам [Рашид ад-Дин, 1952а: 150]. Очевидно, птицы еще не имели определенных хозяев, с которыми они могли бы «сродниться», и мы не можем согласиться с утверждением Г. Н. Симакова, что «дар в виде сокола в данном случае означал передачу души своей, своего благополучия (духовного и материального) во власть победителя» [Симаков, 1998: 159]. Думается, дело здесь не в самих птицах, а в их белом цвете, маркирующем их как особый, сакральный дар, так как белый цвет в кочевой культуре сакрален. Напомним, что, согласно «Сокровенному сказанию монголов», помимо белых кречетов, кыргызские нойоны поднесли сыну Чингис-хана Джучи также белых меринов и белых соболей [Козин, 1941: § 239].

но совершенно четко)²². Между тем все сообщаемые этим автором сведения говорят о том, что птица фактически является хранителем души своего хозяина, и поэтому ее посмертная роль исключительно важна: она сопровождает душу умершего в Верхний мир, которому сама же и принадлежит. При этом даже не имеет особого значения, в каком виде древние тюрки или другие народы представляли отлетавшую душу²³: ей нужен сильный провожатый, который мог бы защищать ее от всевозможных опасностей этого путешествия. Трудно представить в таком качестве кого-либо более подходящего, чем благородную хищную птицу, служившую человеку еще при его жизни.

Как отмечает В. Ю. Чигаева, «скульптурки летящих птиц в погребении младенца могут интерпретироваться как переносчики душ в загробный мир» [Чигаева, 2008: 110]. Такое предположение видится достаточно резонным: душа младенца слаба и беззащитна, чтобы достичь небесных чертогов, ей нужен помощник. В этой связи заслуживает внимания уподобление души птенцу. В 50 м к северу от юго-западной группы курганов могильника Уйтаг-10 в Хакасии найдена перемещенная каменная стела, предположительно относящаяся к окуневской археологической культуре и в более позднюю эпоху (VIII–IX вв.) использованная для нанесения рунических надписей. Оригинально следующее высказывание: «Кёк Тенгри (Голубое Небо!) ... Увы, я был (твоим) птенцом!» [Васильев, 2016: 44]. Подтверждает ли эта фраза тезис о птице-душе? Во всяком случае, не опровергает, и в то же самое время вполне согласуется с приведенными выше соображениями: очевидно, птенцу требуется провожатый и защитник, хотя на стеле его изображение не выявлено. Есть также версия, что птицам придавали значение переносчиков на Небо душ жертвенного скота [Савинов, 2000: 205].

Птицы-«провожатые» известны в верованиях некоторых народов. Немаловажно, что подобное представление было зафиксировано у якутов, предки которых — кочевое племя курыкан — мигрировали с Енисея в Забайкалье, а оттуда на территорию нынешней Якутии. Участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) Я. И. Линденау описал похороны богатого якута: «По углам вбивали шесты с насаженными на них деревянными изображениями птиц, которые назывались *ёлюю суора-тураага* — вороны смерти. Они якобы сопровождали душу покойника» [Линденау, 1983: 41].

Однако еще более яркая параллель обнаруживается в культуре императорского Рима. Греческий историк Геродиан (ок. 180 — ок. 250) оставил описание «апофеоза», которым завершались похоронные обряды императоров и в котором не последнюю роль играл орел — «птица Юпитера»: «Есть у римлян обычай: причислять к сонму бо-

²² В своей более ранней, очень емкой статье Г. Н. Симаков неоднократно указывает, что ловчая птица становится «материальным воплощением» души погибшего/умершего героя [Симаков, 1994: 64–72]. Что это должно означать? Душа вселяется в птицу? Если это так, то что происходит дальше? Об этом автор не говорит. Подразумевается ли все-таки немедленный перенос птицей души своего хозяина куда-то в иные миры или душа остается в теле птицы? Но ведь и птица смертна! Раньше или позже, душа должна будет расстаться со своим крылатым вместилищем. Представляется, что Г. Н. Симаков имплицитно обозначил ту же самую идею о птице-переносчике, птице-провожатом человеческой души, ведь совершенно очевидно, что речь не может идти о некоем превращении души в птицу, т. е. фактически о ее временной материализации в орнитоморфном облике.

²³ По данным Г. П. Снесарева, в Хорезме вплоть до современности бытовало представление, что душа покидает тело умирающего в виде голубя [Снесарев, 1969: 114]; аналогично считали таджики [Семенов, 1903: 96]. У других народов Средней Азии это могла быть и другая птица или даже мотылек.

гов тех императоров, что умерли, оставив после себя детей-преемников; такие почести называются у них апофеозом. Во всем городе наступает тогда торжественный, проникнутый, впрочем, своеобразной печалью праздник. Тело покойного предается земле — с пышностью, но в общем так же, как хоронят всех людей; а потом лепят из воска изображение покойного, совершенно с ним схожее, и выставляют его при входе во дворец на огромном и высоко поднятом ложе из слоновой кости, устланном покрывалами с золотым шитьем. Восковая фигура лежит на виду у всех, бледная, как больной... Это длится семь дней; приходят врачи, каждый раз приближаясь к ложу, будто бы осматривают больного, и каждый раз говорят, что ему все хуже. А когда станет ясно, что он уже умер, благороднейшие из всаднического сословия и лучшие молодые люди из сената поднимают ложе, несут его по Священной дороге и выставляют на старом форуме... После этого, взяв ложе на плечи, его несут за пределы города, на поле, называемое Марсовым. Там, в самом широком месте, уже стоит своеобразное строение: четырехугольное, с равными сторонами, состоящее исключительно из скрепленных между собою огромных бревен — что-то вроде дома. Внутри оно все заполнено хворостом, а снаружи украшено расшитым золотом коврами, статуями из слоновой кости и разнообразными картинами. На первом, нижнем строении стоит второе, такой же формы и с такими же украшениями, только меньше первого; воротца и дверцы, сделанные в нем, распахнуты. Дальше идут третье и четвертое, каждое меньше расположенного под ним, и все это заканчивается последним, которое меньше всех других... Поднеся сюда ложе, его ставят во второе снизу строение; сюда же несут благовония и пахучие растения... Когда вырастает целая гора из благовоний, и вся окрестность наполнится ароматом, начинается конный парад перед погребальным строением, причем конница объезжает его на рысях... Точно также происходит объезд колесницами, на которых стоят одетые в тоги с пурпурной каймой и в масках, изображающих прославленных римских полководцев и государей. Когда совершено и это, преемник императора, взяв факел, подносит его к зданию, и другие тоже со всех сторон подходят с огнем. Все это очень быстро загорается... Из последнего, самого небольшого строения, как бы преодолев преграды, вылетает орел, чтобы вместе с огнем унести в небесный эфир. Римляне веруют, что он уносит на небеса душу императора, которого с этих пор они почитают наравне с другими богами» [Геродиан, 1972: 241–242]. Конечно, предположение о заимствовании кочевниками римской идеи об орле — переносчике души чересчур фантастично, и в данном случае наблюдается лишь типологическое сходство.

В этом свете становится более понятной процедура наделения потомков легендарного Огуза *онгонами*²⁴, о чем сообщают персидский историк и государственный

²⁴ Рашид ад-Дин объясняет, что слово «онгон» происходит от «инак», что по-тюркиски значит «благословенный» [Рашид ад-Дин, 1952а: 87]. В «Огуз-наме» этого же автора, входящем в его «Сборник летописей» как самостоятельная часть, значение этого слова объясняется несколько иначе: оно происходит от «азык болсун» («быть счастливым») и означает «счастье» и «государство»; список птиц также незначительно различается [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 64–67]. Обе эти этимологии искусственны и не могут быть приняты. В монгольском языке «онгон» означает «чистый, светлый», «первоначальный», «шаманский дух-гений, идол, шаманское божество» (Большой академический..., 2001: 477). Судя по контексту, в труде Рашид ад-Дина под *онгонами* понимаются сверхъестественные родовые защитники в облике хищных птиц в смысле, очень близком к монгольскому пониманию этого слова.

деятель Рашид ад-Дин (1247–1318) и позже — хивинский хан и историк Абу-л Гази (1603–1664). Чтобы пресечь возможность вражды и ссоры между потомками Огуза, его наместник Эрайанги-Кент Иркыл-ходжа якобы посоветовал определить каждому из его шести сыновей звание, имя, прозвище, *тамгу*, табуны и стада, а после проделать эту же операцию и в отношении каждого из их четырех сыновей, т. е. внуков Огуза. В итоге все 24 ветви потомков Огуза заняли свое положение и, кроме того, получили «определенное животное, чтобы это было их онгоном», на которое они «не нападают, ему не сопротивляются и мясо его не едят, так как они присвоили его себе для благоприятного предзнаменования» [Рашид ад-Дин, 1952а: 87]. Далее Рашид ад-Дин перечисляет имена родоначальников, приводит изображения их *тамги* и указывает *онгон*. В 20 случаях из 24 это хищная птица: белый сокол, орел, *таушанджил* (орел, используемый в охоте на зайцев), кречет и кобчик, а в четырех — козел; впрочем, последнее под вопросом [Рашид ад-Дин, 1952а: 87–90]. У Абу-л Гази *онгоны* прямо названы птицами («куш»), и в отличие от сочинений Рашид ад-Дина они отличаются заметным разнообразием и редко повторяются. Абу-л-Гази упоминает не только дневных хищников, но и ночных — сову, а также ворона и даже мифическую птицу *хумай* [Кононов, 1958: 53–54]. Довольно естественно видеть в этих сообщениях отголоски тотемизма.

В «Огуз-наме» также говорится о распределении летних и зимних кочевий среди этих 24 ветвей рода Огуза [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 68], но приводящиеся там названия чтению практически не поддаются. Переводчик этого произведения Р. М. Шукюрова допускает, что большинство из них могли находиться в северной части Казахстана [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 111]. Ценность этих сообщений существенно снижается ввиду довольно позднего происхождения источников, но легшая в их основу устная традиция, очевидно, древняя. По существу, не так уж важно, насколько достоверна история о разделе *онгонов* среди отпрысков некоего именитого прародителя. Важна идея, согласно которой различные виды хищных птиц, в большинстве своем использовавшиеся на охоте, становятся покровителями родов кочевников. Этим родов было бы достаточно, чтобы испещрить изображениями своих *онгонов* скалы и каменные скульптуры на широких пространствах Евразии, но реальная локализация изваяний с птицами противоречит этому утверждению.

Обычно в функции посмертного провожатого кочевнику служил его боевой конь. Он должен был обеспечить своему умершему хозяину благоприятное прохождение дороги в мир мертвых [Липец, 1982: 214; Нестеров, 1990: 71; Дубровский, 2002: 198; Кубарев, 2005: 19]. Однако изображения коня на древнетюркских изваяниях неизвестны; лишь изредка они встречаются на оградках. Не потому ли, помимо прочего, что он сам погребался в той же могиле? А вот охотничьих птиц если и убивали, то в очень редких случаях (да и то зафиксированных лишь в этнографической современности), и в могилы их не помещали. Теоретически в древнетюркскую эпоху родственники или соратники могли убить ловчую птицу после смерти ее хозяина и захоронить ее вместе с ним как проводника на Небо, но это лишь гипотеза, хотя и не лишняя, как нам представляется, некоторых оснований. В 1999 г. в Аралтобе (Атырауская область Казахстана) археологи под руководством З. С. Самашева обнаружили

ли скелет хищной птицы, предположительно беркута, в элитном захоронении сарматской эпохи [Самашев, 2000: 4–24]. В 61-й могиле Таван-Толгой (сомон Онгон Сухэбаторского аймака Монголии) в 2010 г., помимо лошадиных костей, был найден череп птицы, принадлежавший, по определению монгольского орнитолога Ш. Болдбаатара, пустельге (монг. *начин шонхор*)²⁵. Могила датируется XIII–XIV вв., т. е. периодом Монгольской империи [Эрдэнэбат, 2014: 58]. В 2012 г. в ходе раскопок могильника Жетытобе (15 км восточнее Тараза в Жамбылской области Казахстана) было вскрыто захоронение знатного мужчины сакской эпохи (VI–III вв. до н. э.). Несмотря на то, что оно уже было когда-то ограблено, в нем обнаружили 45 золотых бляшек от костюма, а также кости лошадей, собак и хищных ловчих птиц [Байпаков, Войкин, 2014: 152–160]. Цель погребения птиц как будто ясна: они так же, как лошади и собаки, должны были служить своему господину в загробном мире. В то же время не исключено, что они могли играть роль провожатых для его души.

Источники донесли огромное количество сообщений о важной роли охоты с хищными птицами в кочевых обществах. Видимо, нет никакой необходимости подкреплять многочисленными цитатами тезис о соколиной охоте как о любимом развлечении кочевой элиты. Из массива исторических и этнографических данных нас в данном случае интересуют сведения, близкие к эпохе воздвижения древнетюркских статуй. Среди тюркской руники в настоящее время известно лишь одно четкое упоминание охоты с хищными птицами — надпись E-48 из Абакана, посвященная *тутуку* телёсов. Надпись неоднократно публиковалась и переводилась как в нашей стране, так и за рубежом; первая публикация и перевод принадлежат С. В. Киселеву [1939: 127], однако его прочтение страдает большими неточностями. Позже С. Е. Малов предложил следующий перевод: «Косули внутренней земли пусть множатся. (Теперь уже) стрелявшего правителя — тутука нет! (Он умер) ... приятели ... прежде вам моим многочисленные (? известные) волы и лошади, увы! (...) Родился и пусть живет! Пусть множится, охотящегося с птицами — мудрого начальника (тутука) нет!» [Малов, 1952: 95]²⁶. Второе упоминание — косвенное: мемориант, занимавший в обществе алтайских тюрков высокое положение (что-то вроде канцлера или советника), говорит о себе: «Я привозил черных кречетов» (надпись E-26 из Хакасии) [Кормушин, 2008: 18].

Почти всеми остальными сведениями мы обязаны знаменитому средневековому филологу и лексикографу Махмуду Кашгарскому. В своем фундаментальном труде «Собрание слов тюрков», законченном в 1074 г., он привел ряд тюркских слов и выраже-

²⁵ Летом 2017 г. в беседе с автором настоящей статьи д-р Ш. Болдбаатар подтвердил правильность определения останков птицы и отметил, что в Монголии с пустельгой обычно охотились на перепелов.

²⁶ Предложены также другие варианты прочтения этих фраз, не меняющие принципиально их сути: [Васильев, Насилов, 1980: 65; Кормушин, 2008: 140; User, 2011: 772; Aydın, Alimov, Yıldırım, 2013: 123–124; Бабаяров, Кубатин, 2016: 13–25; Бабаяров, Кубатин, 2016: 13–21].

ний, связанных с хищными птицами и охотой с ними [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 396, 492, 496, 603, 604, 724, 827, 864, 923, 925]²⁷.

Несмотря на то, что соколиной охотой не возбранялось заниматься и выходцам из низших слоев общества, она все-таки была по большей части элитарным развлечением. Насколько распространенным оно было среди древних тюрков, мы не знаем, однако можно вспомнить очень показательные слова источника о средневековых монголах: «Однажды Чингиз-хан спросил у Боорчи-нойона, бывшего главою эмиров, в чем заключается высшая радость и наслаждение для мужа. Боорчи сказал: «В том, чтобы мужчина взял своего сизого сокола, [до сих пор] остававшегося на привязи и потерявшего за зиму свое оперение и [теперь опять] оперившегося, сел на доброго мерина, которого он содержал в теле, и стал охотиться в [пору] весенней зелени на сизоголовых птиц и чтобы он носил хорошие одежды». Чингиз-хан сказал Борагулу: «Ты тоже скажи!». Борагул сказал: «Для мужчины [величайшее] наслаждение заключается в том, чтобы выпустить [ловчих] птиц, вроде кречета [сонкур], на бурых журавлей, с тем чтобы они ударами когтей сбивали тех в воздухе и хватали». Затем [Чингиз-хан] спросил у сыновей Кубилая. Они сказали: «Наслаждение человека в охоте и в пускании [ловчих] птиц»» [Рашид ад-Дин, 1952б: 265]. Очень вероятно, что и в древнетюркском обществе высокогородных любителей поохотиться с птицей было немало. Следовательно, если каждый такой страстный охотник получал бы знак птицы на своем памятнике, их число составило бы как минимум несколько десятков, если не сотен.

Проблема осложняется географией таких изваяний. Несмотря на то, что под власть тюрков попали гигантские пространства Евразии, изваяния с птицей локализованы относительно узко и явно тяготеют к контактной зоне центральноазиатской кочевой и среднеазиатской оседло-земледельческой культур (см. рис.). Это позволяет задать вопрос об этнической принадлежности людей, в память о которых такие монументы воздвигали. Наиболее тесные связи сложились здесь у тюрков с согдийцами (см., например: [Смирнова, 1970; Маршак, Распопова, 1989: 416–426; Krippes, 1991: 67–80; Атаходжаев, 2011]), часть которых, кроме того, переместилась к северо-востоку от своей родины, спасаясь от арабов.

Обнаружено сравнительно немного петроглифов, изображающих соколиную охоту. В местечке Кёк-Сай на территории Кочкорской долины в Кыргызстане найдено пять наскальных рисунков, показывающих всадников с птицей в руке. Там же выяв-

²⁷ Средневековый ученый включил в свой труд примету, которую можно было бы истолковать как подтверждающую веру тюрков в магическую связь пернатого хищника и человека: «„Когда орел клеочет (человеку в лицо, считается, что) он умрет“. Это плохая примета» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 239–240]. К сожалению, использовать ее как аргумент нельзя: перевод З.-А. М. Ауэзовой в данном случае ошибочный. В этой фразе говорится не об орле, а о стервятнике (*us*), т. е. не о хищнике, а о падальщике. Какая причина побудила исследовательницу в одном случае перевести *us* как «стервятник» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 75], а в другом – как «орел» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 239], нам неизвестно. Дж. Клосон приводит это слово в значении «vulture» [Clauson, 1972: 240]; аналогичное чтение дает Древнетюркский словарь [1969: 616]. Естественно, с грифом никогда не охотились и не «сроднялись». В более точном переводе А. Р. Рустамова поговорка звучит так: «„Если гриф зашипит в лицо человеку, то тот умрет“. Это считается дурным предзнаменованием» [Махмуд ал-Кашгари, 2010: 215]. Благодарю В. В. Тишина (ИМБТ СО РАН) за указание на эту ошибку.

лены и короткие рунические надписи²⁸, не имеющие прямого отношения к теме охоты. Они посвящены скончавшемуся владельцу этой территории — некоему Адыку (Азыку). Вопреки очевидному, автор публикации связывает изображения птиц с его смертью, приводя в пример известный тюркский эвфемизм «улететь» в смысле «скончаться» [Табалдиев, 2005: 21–25]. Основываясь на форме хвоста птицы в руке одного из кочкорских всадников, С. Г. Кляшторный предположил, что это может быть павлин, аналогичный павлину, сидящему на руке вырезанного из дерева юноши из Пенджикента и, возможно, олицетворяющему заимствованного из индийской мифологии спутника (либо «ездное животное») божества победы Картикеи [Кляшторный, 2001: 213–215]. Среди петроглифов Горного Алтая пока известны только две композиции, передающие охоту с хищной птицей — у села Усть-Кан и на памятнике Бичикту-Бом [Ямаева, 2009: 57–61; Константинов, Соёнов, 2012: 374; Соёнов, Константинов, 2014: 90–91].

Места находок тюркских изваяний с изображением птиц. Цифры указывают номер изваяния согласно таблице, приводящейся в настоящей статье. Карта выполнена А. В. Андреевым (ИПЭЭ РАН) по эскизу автора

Sites of finds of Turkic statues depicting birds. Figures for transferring the number of the statue according to the table given in this article. A. V. Andreev (IPEE RAS) according to the sketch of the author

Прямых доказательств бытования соколиной охоты в Согде VII–VIII вв., т. е. примерно в то время, когда тюрки в Семиречье начали ставить каменные изваяния, у нас нет, но можно привести косвенные, хотя, увы, не вполне надежные. Среди согдийских документов, обнаруженных на горе Муг, имеется расписка *фрамандара* Авата — управляющего именьями правителя Пенджикента Деваштича в получении кож от «начальника водоема» (очевидно, имеется в виду чан для вымачивания шкур) Эхушмарика, в которой упоминаются «13 лисьих ..., и еще четыре лисьих ...» [Лившиц, 2008: 78]. Несмо-

²⁸ С. Г. Кляшторный датирует их эпохой Тюркешского каганата (704–756 гг.) [Кляшторный, 2003: 297].

тря на плохую сохранность текста, можно уверенно полагать, что речь идет о шукурах лисицы, и на этом основании констатировать охоту на это животное в Согде. Способы добычи лисицы остаются неизвестными, но, учитывая, что в Средней Азии и Казахстане она служит излюбленным объектом охоты с беркутом и применяется для тренировки недавно прирученных беркутов, мы находим допустимым использовать эту информацию согдийского документа В-3 как аргумент в пользу наличия в согдийской среде охотников-беркутчи, однако относительно их национальности пока возможны лишь легковесные догадки. Совсем не исключено, что это были тюрки.

С хищными птицами охотились и на фазанов [Бабур-наме, 1993: 92]. Известный персидский географ Абу-л Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (ок. 820 — ок. 912/913) упомянул охоту на них в Карлукском каганате²⁹, охватывавшем в VIII–X вв. земли, на которых найдены изваяния с птицами, но не уточнил, использовались ли при этом пернатые хищники: «Близ Абарджаджа есть холм, из него бьют тысяча ключей, которые [образуя реку] текут к востоку. Ее называют Барку-аб, т. е. вода, [текущая] в обратном направлении. Здесь охотятся на черных фазанов» [Ибн Хордадбех, 1986: 64]³⁰.

Согласно Э. Шеферу, из Туркестана в танский Китай присылали ценные породы ястребов и соколов [Шефер, 1981: 133].

Сравнительно узкая локализация находок большинства изваяний с птицей, особенно на фоне огромных территорий, по которым расселились тюркоязычные кочевники, ставит вопрос относительно этнической принадлежности людей, чьи могилы удостоились установки традиционного для тюркского мира изваяния, но украшенного птицей. Рассмотренная выше руническая надпись на могильной плите Текеша и его сыновей как будто снимает сомнения, что это были тюрки, причем, вне зависимости от их родоплеменной принадлежности, включенные в верхние страты древнетюркского общества. В противном случае они не могли бы рассчитывать на такие посмертные почести. Однако ни тюркское имя, ни язык надписи, ни даже наличие тамги еще не гарантируют, что в Их-Асгате были похоронены именно тюрки. Многочисленные представители согдийской диаспоры нередко принимали тюркские имена либо на новом месте, либо еще в метрополии, что, в частности, установлено на основе документов середины VIII в. из согдийской колонии Цунхуасян в Дуньхуанской уезде, где были обнаружены такие имена с тюркскими элементами, как Иркин (Кан И-цзинь), Тудун (Хэ Ту-дунь), Тегин (Ло Тэ-цзин) и ряд других [Чугуевский, 1971: 153]; тем более это вероятно в случае потомства от смешанных браков. Много согдийцев жило среди тюрков на территории нынешней Монголии, некоторые из них занимали высокие государственные посты и в Первом, и во Втором каганатах. Пэй Цзюй, бывший ранее наместником Западного

²⁹ О карлуках сохранились сведения, правда, относящиеся ко времени правления монгольской династии Юань в Китае (1272–1368), рисующие их страстными поклонниками охоты с хищными птицами. В не так давно обнаруженном сборнике текстов, происходящих от клана Танью-Ян, есть биография карлука Бояня Цзундао, составленная в 1521 г. После покорения Южной Сун (1127–1279) монголы поселили его семью в уезде Пуян (округ в современной провинции Хэнань). Его братья «находили радость в том, чтобы мчаться на конях, спуская собак и запуская охотничьих соколов» [Кычанов, 2005: 147].

³⁰ В. В. Бартольд утверждал, что это место — Мын-булак — находилось между Таразом и Чимкентом [Бартольд, 1966а: 26; 1966б: 113].

края, доносил императору династии Суй (581–617): «Тюрки сами по себе простодушны и недалководны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они учат и направляют тюрков» [Liu Mau-Tsai, 1958: 87–88]. При этом нельзя рассматривать согдийцев всего лишь как слабосильных торговцев и религиозных проповедников; известно, что они были хорошими воинами. А в случае породнения с номадами могла возникнуть и такая «гремучая смесь», как знаменитый танский военный наместник (*цзедуши*) Ань Лушань (ок. 703–757) — тюрк по отцу и согдиец по матери, поднявший в 755 г. мощное восстание и фактически вынесший смертный приговор блистательной Тан.

Что касается семиреченских и восточно-казахстанских изваяний с птицей, то никаких рунических знаков на них не обнаружено. Собственно, эти изваяния, как и поминальные комплексы, при которых они обнаружены, ничто, кроме фигуры птицы, не отличает от сотен других, чья тюркская принадлежность не вызывает сомнений. Порой они стоят буквально бок о бок с изваяниями обычного тюркского облика, и лишь алтын-эмельское более походит на кыпчакский тип.

Если предположить, что в данном случае в силу каких-то причин на поверхность выходит древний этнический субстрат, то можно отметить следующее. С VII до IV в. до н. э. хозяевами обширных пространств между Каспием и Алтаем были саки. К. А. Акишев полагает, что изображения птиц в сакском искусстве символизируют Верхний мир Вселенной [Акишев, 1978: 40, 43; 1984: 40–44]. Птицы как объекты или как средства охоты не были отражены в элитных предметах, но упомянутое выше захоронение с птицами говорит о бытовании такой охоты. Культура усуней прослеживается в Семиречье и соседних землях с III в. до н. э. по V в. н. э. По мнению ряда исследователей, усуней были тюркоязычны. У них известна птичья символика: их тотемом считается ворон, который изображался на их *тамгах* [Зуев, 1960: 14]. Среди найденных усуньских артефактов имеются бронзовые шпильки, украшенные скульптурными изображениями птиц — но не хищных, скорее всего, ласточки и голубя [Бернштам, 1952: 128–129]. Птицы (и звери) на широко известной золотой каргалинской диадеме к теме охоты не имеют ни малейшего отношения. Вообще, судя по археологическим данным, охота играла в жизни усуней незначительную роль [Акишев, Кушаев, 1963: 264]. Каменные статуи усуней не воздвигали. Со второй половины VI в. эти земли стали заселяться тюркоязычными кочевниками под предводительством выходцев из клана Ашина. По-видимому, образ хищной птицы не был ими заимствован у номадов, населявших эти земли, но идея изображать ее на памятниках, похоже, тюркам не принадлежала, и ее истоки следует искать здесь.

Ареал таких находок входит в центральную часть Западно-Тюркского каганата (603–704) и в последовательно сменявшиеся каганаты тюргешей (704–756), карлуков (756–940) и караханидов (940–1212); исламизация последних около 960 г. должна была положить конец традиции степного статуарного творчества. Однако представляется, что памятники с фигурой птицы принадлежали не тюркам [Кубарев, 1984: 32] — в противном случае их было бы в разы больше, но и не их врагам, иначе их не было бы вовсе.

Поиск прообразов этих птиц в древнем и раннесредневековом искусстве Средней Азии пока не дал убедительных результатов, несмотря на достаточно широкое исполь-

зование в нем образа птицы как такового [Пугаченкова, Ремпель, 1972: 206–234; Кетмень-Тюбе, 1977: 199; Брусенко, 1986: 68–73, табл. 46; Воробьева, Нефедов, 1988: 40–42; Ильясова, Ильясов, Имамбердиев, Исхакова, 2016: 72–103] (единственное исключение — коническая чаша XI в. с сильно схематизированным изображением ловчей птицы). Образ похожей на орла птицы на керамическом «рельефе с календарным мифом» из Хорезма, толкуемый как символ Зервана — бога бесконечного времени [Калалы-гыр 2, 2004: 214, 220], хронологически и географически весьма далек от ареала находок монументов с орнитоморфными изображениями. Хотя синхронная тюркскому доминированию в этом регионе живопись Пенджикента и Афрасиаба содержит сцены и орнаменты с птицами [Альбаум, 1975: табл. I, VI, XV, XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXVIII, XLII, LX], она не включает сюжеты, связанные с охотой с использованием пернатых хищников. Дошедшие до наших дней образцы согдийской торевтики также их лишены; птицы фигурируют в «мирной» ипостаси, за исключением лишь одной, показанной в момент защиты своих птенцов от змеи [Маршак, 1971: табл. 39, 40, 40а, 43, 46, 48]. Несмотря на это, можно попытаться отыскать идею, переданную местным (или достаточно давно сюда пришедшим) населением новой тюркоязычной волне кочевников.

Махмуд Кашгарский утверждал, что среди тюркского населения Семиречья проживали ассимилировавшиеся согдийцы: «Они одеваются и ведут себя так же, как тюрки» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 437]. Это свидетельство довольно позднее, относящееся уже к XI в., но процесс был запущен гораздо раньше: начало миграции согдийцев в Чуйскую долину датируется V–VI вв., а массовый характер она приняла в VII в. и особенно в VIII в. [Распопова, 1960: 162]. Браки между тюркской и согдийской знатью считаются не подлежащими сомнению: достаточно вспомнить знаменитый брачный контракт, согласно которому знатный тюрк От-тегин брал в жены согдийскую девушку Дугдгончи, находившуюся под опекой Чера — правителя Навеката, тоже тюрка [Лившиц, 2008: 18–48]³¹. Одним из результатов ассимиляции могла быть утрата потомками смешанных тюрко-согдийских браков, особенно живших в степи, в лоне кочевой тюркской культуры, части обычаев своих оседлых предков, в том числе похоронно-поминальной обрядности, как это зафиксировано, например, в случае согдийских погребений в Китае [Lerner, 2005].

Хорошо известно, что согдийцы практиковали зороастрийскую похоронную обрядность, включавшую требование избегать осквернения мертвым телом какой-либо из «чистых стихий», в том числе земли. Поэтому они оставляли покойных в специально отведенных местах, пока кости не очистятся от плоти. Затем кости помещали в особые сосуды из обожженной глины — *оссуарии*, или складывали в специальных склепах — *наусах*³². По этой же причине они не использовали кремацию, ибо огонь — тоже «чистая стихия», очень почитаемая в зороастризме. Исходя из этих данных, можно подумать, что перейти на тюркские способы захоронения согдийцы не могли по религиозным соображениям. Однако это не так. Какими бы консервативными ни были погребальные обычаи, порой они менялись достаточно быстро, следуя политической

³¹ Контракт публиковался неоднократно начиная с 1960 г.

³² За консультацию по данному вопросу благодарю С. Б. Болелова (ГМИНВ). Подробнее о погребальных сооружениях доисламской Средней Азии см.: [Мейтарчиан, 2001: 65–95].

конъюнктуре. Так, могилы древних тюрков и уйгуров, сделанные по китайским имперским стандартам, служили знаком привилегий, дававшихся танским двором степной элите — губернаторам *цзими* [Arden-Wong, 2014: 14]. Возможно, включенные в высший слой тюркской пирамиды власти согдийцы столь же быстро усвоили тюркские погребальные обычаи как один из символов принадлежности к правящему классу. Известны каменные статуи, очевидно, синхронные древнетюркским, которые несут явные согдийские черты. Таков, например, памятник из Завхана (Монголия) [Ожередов, 2010: 258–262]. Конечно, можно полагать, что согдийский мастер вытесывал статую тюрка согласно канонам своего искусства, но не менее вероятно и то, что он обеспечивал изваянием усопшего согдийца, жившего среди тюрков, или полукровку. Что касается изваяний с птицами, то черты лица на них, как и прочие атрибуты, не имеют заметных отличий от обычных изваяний, но это едва ли может служить надежным аргументом против гипотезы об их иноплеменности. Многие исследователи склоняются к мнению, что резчик не стремился передать индивидуальные черты героя и был озабочен лишь созданием его более или менее «канонического» образа. К тому же мастерство и старание резчиков не могли быть на одинаково высоком уровне, а представители древнетюркской элиты обладали разными финансовыми (или административными) возможностями. Очевидно, более состоятельные родственники усопшего могли позволить себе нанять хорошего мастера, способного, в том числе, добиться портретного сходства; люди победнее должны были довольствоваться работой посредственных каменотесов.

Вышеизложенное, на наш взгляд, подтверждает «положение об органическом сплетении культуры тюрков-кочевников и земледельцев-согдийцев, порождающих новое, синкретическое по своему характеру искусство тюркского каганата», выдвинутое А. Н. Бернштамом [1952: 138]. Возможно, изваяния с птицами и есть один из заметных образцов тюрко-согдийского культурного синтеза.

Согдийский прототип тюркской птицы мы находим в изображениях на *оссуариях*, в которых, согласно зороастрийскому обряду, сохраняли кости умерших. Еще К. А. Инностранцев предположил, что человеческие изображения на крышках *оссуариев* могут обозначать *фравашей* — бессмертные души, функционально близкие христианским ангелам-хранителям и первоначально, видимо, символизировавшие духов предков. Одна из их задач — препровождать душу усопшего на небеса. На некоторых *оссуариях* место *фравашей* занимают птицы [Инностранцев, 1917: 137–138]. Чаще всего их истолковывают как образ души того, чьи останки покоятся в *оссуарии* [Инностранцев, 1917: 138; Рапопорт, 1971: 93–94; Pugachenkova, 1994: 239], однако это объяснение страдает тем же недостатком, что и в случае с фигурой птицы на статуях: они встречаются сравнительно редко, хотя, следуя данной логике, должны бы иметься на каждом *оссуарии*. Развивая идеи К. А. Инностранцева, А. Н. Бернштам отметил, что среди семиреченских культовых атрибутов зороастризма и *оссуариев* редки изображения человеческих голов, но в изобилии встречаются изображения птиц, которых он уподобил «ангелам» [Бернштам, 1952: 137]. Одно из изображений, венчающее ручку на крышке *оссуария*, он идентифицировал как беркута [Бернштам, 1952: 138]. Еще одно изображение на стенке *оссуария*, правда, найденного довольно далеко к юго-западу — на некрополе Мерва в Северном Хорасане, напоминает орла [Ершов, 1959: табл. 6]. Возможно, такие *оссуарии* предна-

значались для охотников с ловчими птицами. Позже образ птицы переместился на изваяния, предоставленные тюркской кочевой культурой.

Однако, по-видимому, отказываться от идеи, согласно которой древний прообраз птицы древнетюркских статуй мог символизировать душу покойного, тоже не следует. Птица, но не хищная, а голубь, олицетворяла душу человека по крайней мере с эпохи бронзы. В этой ипостаси голубь известен на Ближнем Востоке с доэллинистических времен. Его помещали, в том числе, и в руках человеческих фигур, изображавших умерших. Довольно широко известный пример — найденная в Мервском оазисе (район Векиль-Базара) надгробная известняковая стела I–II вв., которая была доставлена туда из Пальмиры либо изготовлена на месте по канонам пальмирского искусства. На плите высечен барельеф, изображающий девочку в длинных одеждах. В правой руке она держит гроздь винограда, а левой прижимает к груди птичку размером с голубя или несколько меньше [Кошеленко, 1977: 101–102], символика которой не оставляет практически никаких сомнений. Люди, вытесывавшие в Семиречье для тюркской элиты каменные изваяния, могли быть знакомы с подобной традицией увековечения памяти усопших, хотя мы не находим достаточно убедительным предположение о «переносе» образа птицы с таких стел на статуи. Этому прежде всего противоречит сама природа птиц — сугубо мирная в первом случае и хищная во втором.

Терракотовые плитки, датируемые эфталитско-тюркским временем и изображающие мужчину с птицей в руке, были обнаружены также на территории Согда, но они явно несли иной посыл: по мнению специалистов, такие плитки служили чем-то вроде иконок и, соответственно, под мужчиной следует понимать божество [Мешкерис, 1962: 43, 94, табл. XX, рис. 338; 1977: 65, табл. XVIII, рис. 1, 2, табл. XXX, рис. 104], возможно, местного пантеона, подобно сходным изображениям (фигуркам и так называемым образкам) женского божества плодородия, держащего в руках плоды, листья, сосуды. Имело ли это мужское божество отношение к охотничьему культу, мы не знаем. Хотелось бы отметить отсутствие определенной системы в посадке птицы: она могла запечатлеваться как на правой, так и на левой руке.

Заключение

Наверное, все же нельзя приветствовать попытки увидеть в каждом древнем или средневековом рисунке зашифрованный абстрактный символ. Допустимо и «буквальное» его прочтение. Поэтому мы полагаем, что птица на древнетюркских каменных изваяниях означала самое себя, т. е. именно птицу как представителя животного мира, причем птицу охотничью, которой владел при жизни тот, в чью память было поставлено изваяние. Не случайно она почти всегда показана сидящей на правой руке изваяния, т. е. именно там, где сидит реальная охотничья птица, и вряд ли случайно то, что до сих пор не найдено ни одной древнетюркской или кыпчакской женской статуи с изображением птицы³³.

А вот сам факт воспроизведения птицы на статуе имел уже глубокий символический смысл. Душа усопшего должна была подняться на Небо и потом спускаться оттуда, что-

³³ Сказанное не означает, что среди женщин не было охотниц с птицей, но для мужчин это занятие все-таки было и остается гораздо более характерным.

бы воплощаться в статую на время ежегодной поминальной церемонии, становясь, таким образом, одним из важнейших участников заупокойного пира. Безопасность перелета из Верхнего мира в Средний — мир живых и обратно обеспечивала для нее хищная птица, с которой покойный охотился при жизни, которая после его смерти становилась его «ангелом-хранителем», чей образ был запечатлен на статуе. Так птица и ее хозяин оставались навеки неразлучными. При этом одно отнюдь не отрицает другого: птица на изваянии как охотничья птица усопшего и представление о том, что душа покидает тело в виде птицы.

Библиографический список

- Акишев А. К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. М. : Наука, 1978. Вып. 154. С. 39–48.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.
- Акишев А. К., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 320 с.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент : Фан, 1975. 160 с.
- Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
- Атаходжаев А. М. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 59 с.
- Бабаяров Г. Б., Кубатин А. В. К вопросу о новом прочтении и интерпретации некоторых слов и фраз в енисейских памятниках Е-144, Е-48, Е-37, Ю-10 // Эпиграфика Востока. М. : ИВ РАН, 2016. Вып. XXXII. С. 13–25.
- Бабаяров Г. Б., Кубатин А. В. Новые предложения относительно чтения слов и фраз в некоторых древнетюркских Енисейских памятниках // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2016. Vol. 22. P. 13–21.
- Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий Ин-та Востоковедения АН Узбекистана, 1993. 464 с.
- Базылхан Н. Хищные птицы в древнетюркской этносимволике (по этноархеологическим и источниковедческим материалам) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения : сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск : Изд-во ТГУ, 2013. Вып. 3. С. 163–172.
- Байбосынов К. Жамбыл оніріндегі тас мүсіндер (Каменные изваяния Жамбылской области). Фотоальбом. Алматы : Онер, 1996. 176 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы : Асыл Сөз, 2014. 504 с.
- Байпаков К. М., Капекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз : Археологическая экспертиза, 2011. 620 с.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию // В. В. Бартольд. Сочинения. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 111–115.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. // В. В. Бартольд. Сочинения. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 21–94.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе : Комитет наук при СНК Киргизской ССР, 1941. 138 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 348 с.

Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. 68 с.

Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // Избранные труды. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. Т. 1. 556 с.

Бичеев Б. А. Культ правителя в центральноазиатской регионе // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 12–14.

Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М. : Восточная литература, 1994. 403 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. М. : Academia, 2001. Т. 2. 485 с.

Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент : Фан, 1986. 89 с.

Васильев Д. Д. Восстановленные фрагменты тюркской рунической надписи стелы могильника Уйтаг (Республика Хакасия РФ) // Эпиграфика Востока. М. : ИВ РАН, 2016. Вып. XXXII. С. 40–56.

Васильев Д. Д., Насилов Д. М. К прочтению Абаканского памятника // Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М. : Наука, 1980. С. 60–66.

Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек : Илим, 1995. С. 160–175.

Винник Д. Ф. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары (по материалам работ Иссык-Кульского археологического отряда, 1960) // Известия АН Кирг. ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. 5. Вып. 1. С. 25–43.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю. Золотые изделия из Еркургана // Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 7. С. 40–42.

Гафферберг Э. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : Наука, 1975. С. 224–247.

Геродиан. История императорской власти после Марка. Кн. 4 // Вестник древней истории. 1972. № 3. С. 241–261.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 86–189.

Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н. э. — V в. н. э. Алматы : Тюркское наследие, 2007. 216 с.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.

Дробышев Ю. И. К вопросу об изображении птицы на головном уборе Кюль-тегина и на плите из Ихе-Асхете // Азия и Африка: Наследие и современность : материалы

XXIX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. СПб. : НП-Принт, 2017. Т. 1. С. 181–182.

Дробышев Ю. И. Семантика изображений птицы на древнетюркских каменных изваяниях // Мир Центральной Азии — 4. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 93–97.

Дробышев Ю. И. Ошибочные и неподтвержденные сообщения о находках древнетюркских изваяний с изображением птицы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы IX Международной научной конференции (Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. II. С. 43–45.

Дубровский Д. В. Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник-2001. М. : Наука, 2002. С. 198–211.

Елеукунова Г. Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. Алматы : Гылым, 1999. 219 с.

Ермоленко Л. Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Никалс, 1999. С. 86–91.

Ермоленко Л. Н. Еще раз о голове статуи Кюль-Тегина // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1998. С. 96–97.

Ермоленко Л. Н. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. II. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 23–239.

Ермоленко Л. Н. Об изваяниях с птицей // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность (Первые Валидовские чтения) : Международная научная конференция. 22–24 сентября 1992 г. Уфа : Изд-во БГУ, 1992. С. 94–96.

Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1959. Вып. V. С. 160–204.

Зуев Ю. А. К этнической истории усуней // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1960. Т. 8. С. 5–25.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку : Элм, 1986. 427 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 346–349.

Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердиев Р. А., Исхакова Е. А. «Нет блага в богатстве...». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М. : Фонд Марджани, 2016. 595 с.

Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг. : Типогр. Академии наук, 1917. Т. 24. С. 133–144.

Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. М. : Восточная литература, 2004. 286 с.

Кетмень-Тюбе: археология, история. Фрунзе : Илим, 1977. 228 с.

Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 124–134.

Кляшторный С. Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб. : Изд-во Филологического ф-та СПбГУ, 2001. С. 213–215.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков : Изд-во Харьковского госуниверситета, 1956. 347 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.

Константинов Н. А., Соёнов В. И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Бато : Изд-во МонГУ, 2012. Т. 2, вып. 3. С. 374–381.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 341 с.

Кошеленко Г. А. Родина парфян. М. : Советский художник, 1977. 176 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 232 с.

Кубарев В. Д., Забелин В. И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 87–103.

Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27–39.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Кычанов Е. И. Карлук Боянь Цзундао — юаньский конфуцианец // Тюркологический сборник 2003–2004. М. : Восточная литература, 2005. С. 145–151.

Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб. : Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2008. 414 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.

Липец Р. С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М. : Наука, 1982. С. 212–236.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М. : Наука, 1973. 440 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Мартынов А. И., Чигаева В. Ю. Композиционное рассмотрение сюжетов с птицами в наскальном искусстве Северной Азии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 315–318.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. : Наука, 1971. 191 с.

Маршак Б. И., Распопова В. И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 416–426.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы : Дайк-пресс, 2005. 1281 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-турк (Свод тюркских слов). М. : Восточная литература, 2010. Т. I. 460 с.

Мейтарчян М. Б. Погребальные обряды зороастризма. М. ; СПб. : ИВ РАН : Летний сад, 2001. 248 с.

Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе : Дониш, 1977. 126 с.

Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожжённой глины, хранящихся в Республиканском Музее истории и культуры и искусства УзССР в городе Самарканде. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 140 с.

Модоров Н. С. Каменные изваяния и наскальные рисунки Горного Алтая // Археология и краеведение Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул : Новоалтайская типография, 1972. С. 47–48.

Монголын археологийн өв. V боть. Монголын хүн чулуу. Улаанбаатар : [Б. и.], 2016 (на монгол. яз.)

Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. 303 с.

Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М. : Наука, 1984. 309 с.

Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 141 с.

Новгородова Э. А. Образ птицы как один из символов историко-культурного единства алтайских народов Центральной Азии // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия ПИАК, Ташкент, 1986). М. : [Б. и.], 1986. Т. I. С. 55–56.

Ожередов Ю. И. Древнетюркская монументальная скульптура из Семиречья в собрании Томского государственного университета // Актуальные проблемы археологии Евразии : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 457–470.

Ожередов Ю. И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. С. 258–262.

Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 29–85.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М. : Наука, 1974. 200 с.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). Ташкент : Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1972. С. 206–234.

Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Приложение III. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае члена экспедиции Н. М Ядринцева // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. : Типография Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. 113 с.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М. : Наука, 1971. 128 с.

Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. IV. С. 138–163.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 1 / пер. Л. А. Хетагурова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 220 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 2 / пер. О. И. Смирновой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 316 с.

Савинов Д. Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово : Никалс, 2000. Т. 2. С. 197–206.

Самашев З. С. Отчет о работах Западноказахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК на территории Атырауской области РК в 1999 г. Алматы, 2000. С. 4–24.

Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 768 с.

Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М. : Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. 112 с.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. 312 с.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. : МАЭ РАН, 1994. Вып. 5–6. С. 64–72.

- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб. : Евразия, 2013. 382 с.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М. : Наука, 1970. 287 с.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М. : Наука, 1969. 336 с.
- Соёнов В. И., Константинов Н. А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н. э. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. 310 с.
- Соколова З. П. Культ животных в религиях. М. : Наука, 1972. 214 с.
- Сокровища древнего Тараза : фотоальбом. Алматы : Мектеп, 2008. 183 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М. : Наука, 2006. 907 с.
- Түдэв Л. Чулуужсан хүн. «Дал» сонину газраас хэвлүүлэв. Улаанбаатар, 201 (на монгол. яз.).
- Табалдиев К. Ш. Древнетюркские рунические надписи Кочкорской долины // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана. Бишкек : Илим, 2005. С. 21–25.
- Тенишев Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л. : Наука, 1976. С. 164–172.
- Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана. М. : Восточная литература, 2013. 326 с.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку : Элм, 1987. 128 с.
- Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии: Историко-географический очерк Сибирских и Туркестанских равнин. О каменных и костяных орудиях и о так называемом каменном веке. О гончарных и стеклянных изделиях // Известия Императорского Томского ун-та. Кн. 9. Томск: типо-литография П. И. Макушина, 1896. Ч. 2, вып. 1. 272 с.
- Флоринский В. М. Примечания к описанию археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск : типо-литография Михайлова и Макушина, 1888. 275 с.
- Чариков А. А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // Советская археология. 1989. № 3. С. 184–192.
- Чигаева В. Ю. Птицы в искусстве эпохи бронзы народов Сибири (основные сюжеты в духовной и материальной культуре, параллели) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 109–111.
- Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1971. Вып. X. С. 147–156.
- Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Ташкент : SAN'AT, 2008. 485 с.
- Шарипов Р. Г. Мироззрение древнетюркской кочевой элиты и культ каменных изваяний // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 324–330.
- Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 462–483.
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М. ; Л. : Наука, 1966. 140 с.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М. : Наука, 1981. 614 с.

Эрдэнэбат У. Монгол шувуулахуй (Түүх, этноархеологи, соёлын антропологийн судалгаа). Улаанбаатар: Сэлэнгэпресс, 2014. 328 с. (на монгол. яз.).

Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

Ямаева Е. Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 57–61.

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period // *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. VI. Is. 2. P. 9–20.

Baumann B. By the Power of Eternal Heaven: The Meaning of Tenggeri to the Government of the Pre-Buddhist Mongols Source // *Extrême-Orient Extrême-Occident*. 2013. № 35. P. 233–284.

Belli O. Stone Statues and Balbals in Turkic World // *TÜBA-AR*. 2003. Vol. VI. P. 85–116.

Bogenbaev N., Shaldarbekova A., Zhalmyrza A. Symbolic Image of Kut in the Ancient Turkic' Worldview // *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11. P. 615–619.

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1965. Vol. 36. Fasc. 3–4. P. 284–291.

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1966. Vol. 38. P. 13–43.

Chen Ling. A Study of Turkic Royal Crowns: With a Discussion of Turkic Xian-Zoroastrian Beliefs // *Eurasian Studies*. English Edition. 2017. № 5. P. 139–198.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. 990 p.

Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, par Ch. E. de Ujfalvy de Mezo-Kovesd. Paris, 1879. Vol. II. 208 p.

Hayashi T. Several Problems about the Turkic Stone Statues // *Türk dili araştırmaları yillığı* (Yearbook of Turkic Studies). Belleten. 2000. Ankara: Turkish language institution, 2001. P. 221–240.

Jisl L. The Orkhon Türks and Problems of the Archaeology of the Second Eastern Türk Kaghhanate (published post mortem in cooperation of Věra Jislová and Jiří Šíma) // *Annals of the Náprstek Museum* 18. Praha: National Museum, Náprstek Museum of Asian, African and American Cultures, 1997. P. 1–112.

Kageyama E. The Winged Crown and the Triple-crescent Crown in the Sogdian Funerary Monuments from China: Their Relation to the Hephthalite Occupation of Central Asia // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2007. Vol. 2. P. 11–22.

Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 35. № 1/2. P. 67–80.

L'empire de Gengis-khan dans la miniature Mogole. Photographies de B. et W. For-man, texte de J. Marek et H. Knižková. Praha: Artia, 1963. 48 p.

Lerner J. A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China // *Sino-Platonic Papers*. № 168 (December, 2005). 56 p.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Buch I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 p.

Pugachenkova G. A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1994. Vol. 8. P. 227–243.

Schafer E. H. Falconry in T'ang Times // T'oung Pao. Second Series. 1958. Vol. 46. Livr. 3/5. P. 293–338.

Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Turks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2009. Vol. 4. P. 119–133.

Talat Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 p.

Tryjarski E. Zwyczaje pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1991. 415 p.

Aydın E., Alimov R., Yıldırım F. Yenisey — Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s.

Çeşmeli İ. Kök türklerde ikonografik açıdan kuş figürleri // Art-Sanat Dergisi. 2015. Vol. 4. P. 67–80.

Osawa T. Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlar Üzerine Yeni Araştırmalar // Türk Dilleri Araştırmaları 10. 2000. P. 191–204.

User H. Ş. Yenisey Yazıtlarının Okunma ve Anlamlandırılması Üzerine Yeni Öneriler-II // Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu, 26–29 Mayıs 2010. Bildiriler Kitabı. 2. Cilt. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Basımevi, 2011. P. 767–774.

REFERENCES

Akischev A. K. Ideologiya sakov Semirech'ya (po materialam kurgana Issyk) [Ideology of the Saks of Semirechye (based on the materials of the Issyk kurgan)]. KSIA. [Brief reports of the Institute of Archaeology]. M. : Nauka, 1978. V. 154. Is. P. 39–48 (in Russian).

Akischev A. K. *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka, 1984. 176 s. (in Russian).

Akischev A. K., Kushaev G. A. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny reki Ili* [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley]. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz. SSR, 1963. 320 s. (in Russian).

Al'baum L. I. *Zhivopis' Afrasiaba* [Painting of Afrasiab]. Tashkent: Fan, 1975. 160 s. (in Russian).

Aristov N. A. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan' — Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [Usuns and the Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography]. Bishkek: Ilim, 2001. 582 s. (in Russian).

Atahodzhaev A. M. *Tyurko-sogdijskie otnosheniya v politicheskikh, social'no-ekonomicheskikh i etnokul'turnyh processah v rannem srednevekov'e*: Avtoreferat diss. ... d. i. n. [Turkic-Sogdian relations in political, socio-economic and ethno-cultural processes in the Early Middle Ages]. Tashkent, 2011. 59 s. (in Russian).

Babayarov G. B., Kubatin A. V. K voprosu o novom prochtenii i interpretacii nekotoryh slov i fraz v enisejskikh pamyatnikah E-144, E-48, E-37, Yu-10 [On the question of a new reading and interpretation of some words and phrases in the Yenisei monuments E-144, E-48, E-37, Yu-10]. *Epigrafika Vostoka*. [Epigraphy of the East]. M. : IV RAN, 2016. Issue XXXII. P. 13–25.

Babayarov G. B., Kubatin A. V. Novye predlozheniya odnositel'no chteniya slov i fraz v nekotoryh drevnetyurkskih Enisejskih pamyatnikah [New suggestions regarding the reading of words and phrases in some ancient Turkic Yenisei monuments]. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2016. Vol. 22. P. 13–21 (in Russian).

Babur-name. *Zapiski Babura* [Babur-nameh. Babur's Notes]. Tashkent: Gl. redakciya enciklopedij In-ta Vostokovedeniya AN Uzbekistana, 1993. 464 s. (in Russian).

Bajpakov K. M., Kapekova G. A., Voyakin D. A., Mar'yashev A. N. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambyl'skoj oblasti* [Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl region]. Taraz: Arheologicheskaya ekspertiza, 2011. 620 s. (in Russian).

Bajpakov K. M., Voyakin D. A. *Vydayushchiesya arheologicheskie pamyatniki Kazahstana* [Outstanding archaeological sites of Kazakhstan]. Almaty: "Asyl Söz", 2014. 504 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o komandirovke v Srednyuyu Aziyu [Report on a business trip to Central Asia]. *Sochineniya*. [Essays]. M.: Nauka, 1966. Vol. IV P. 111–115 (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoyu cel'yu. 1893–1894 gg. [Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose. 1893–1894.]. *Sochineniya* [Essays.]. M.: Nauka, 1966. Vol. IV. P. 21–94 (in Russian).

Bazylhan N. Hishchnye pticy v drevnetyurkskoj etnosimvolike (Po etnoarheologicheskim i istochnikovedcheskim materialam) [Birds of prey in ancient Turkic ethnosymbolics (According to ethnoarchaeological and source materials)]. *Kul'tury i narody Severnoj i Central'noj Azii v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya: sbornik Muzeya arheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo. Vyp. 3* [Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary study: collection of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V.M. Florinsky]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2013. Issue 3. S. 163–172 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Arheologicheskij ocherk Severnoj Kirgizii* [An archaeological sketch of Northern Kyrgyzstan]. Frunze: Komitet nauk pri SNK Kirgizskoj SSR, 1941. 138 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Central'nogo Tyan' — Shanya i Pamiro-Alaya* [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alai]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 348 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-kul'turnoe proshloe severnoj Kirgizii po materialam Bol'shogo Chujskogo kanala* [The historical and cultural past of Northern Kyrgyzstan based on the materials of the Great Chui Canal]. Frunze, 1943. 68 s. (in Russian).

Bertel's E. E. *Istoriya persidsko-tadzhikskoj literatury* [History of Persian-Tajik literature]. *Izbrannyye trudy*. [Selected works]. M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1960. Vol. 1. 556 s. (in Russian).

Bicheev B. A. Kul't pravitelya v central'noaziatskoj regione [The cult of the ruler in the Central Asian region]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Central'noj Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 12–14 (in Russian).

Blagova G. F. "Babur-name": *Yazyk, pragmatika teksta, stil'*. *K istorii chagatajskogo literaturnogo yazyka* ["Babur-name": Language, pragmatics of the text, style. On the history of the Chagatai literary language]. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 403 s. (in Russian).

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. [The Big Academic Mongolian-Russian Dictionary] M.: Academia, 2001. Vol. 2. 485 s. (in Russian).

Brusenko L. G. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vekov* [Glazed ceramics of the Chach of IX–XII centuries]. Tashkent: Fan, 1986. 89 s. (in Russian).

Charikov A. A. Novye nahodki srednevekovykh izvayaniy v Kazahstane [New finds of medieval statues in Kazakhstan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1989. no. 3. P. 184–192 (in Russian).

Chigaeva V. Yu. Pticy v iskusstve epohi bronzy narodov Sibiri (osnovnye syuzhety v duhovnoj i material'noj kul'ture, paralleli) [Birds in the art of the Bronze Age of the peoples of Siberia (main subjects in spiritual and material culture, parallels)]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Central'noj Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 109–111 (in Russian).

Chuguevskij L. I. Novye materialy k istorii sogdijskoj kolonii v rajone Dun'huana [New materials for the history of the Sogdian colony in the Dunhuang area]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. M.: Nauka, 1971. Is. X. P. 147–156 (in Russian).

Dosymbaeva A. *Kul'turnyj kompleks tyurkskih kochevnikov Zhetysu. II v. do n. e. — V v. n. e.* [The cultural complex of the Turkic nomads of Zhetysu. II century BC–V century AD]. Almaty: “Tyurkskoe nasledie”, 2007. 216 s. (in Russian).

Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary] L.: Nauka, 1969. 676 s. (in Russian).

Drobyshev Yu. I. K voprosu ob izobrazhenii pticy na golovnom ubore Kyul' — tegina i na plite iz Ihe-Askhete [On the question of the image of a bird on a Kul-tegin headdress and on a plate from Ihe-Askhet]. *Aziya i Afrika: Nasledie i sovremennost'. XXIX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21–23 iyunya 2017 g.: Materialy kongressa* [Asia and Africa: Heritage and modernity. XXIX International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries, June 21–23, 2017: Materials of the Congress]. SPb.: Izd-vo Studiya “NP-Print”, 2017. Vol. 1. P. 181–182 (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Oshibochnye i nepodtverzhennyye soobshcheniya o nahodkah drevnetyurkskih izvayaniy s izobrazheniem pticy [Erroneous and unconfirmed reports about the finds of ancient Turkic sculptures depicting a bird]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.)* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the IX International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)] Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. Vol. II. P. 43–45 (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Semantika izobrazhenij pticy na drevnetyurkskih kamennykh izvayaniyakh [Semantics of bird images on ancient Turkic stone sculptures]. *Mir Central'noj Azii — 4: Sb. nauch. statej* [The World of Central Asia — 4]. Irkutsk: Ottisk, 2017. P. 93–97 (in Russian).

Dubrovskij D. V. Zhertvennyj kon' v pogrebal'nom obryade kochevnikov ulusa Dzhuchi [Sacrificial horse in the funeral rite of nomads of the ulus of Jochi]. *Tyurkologicheskij sbornik-2001* [Turkological collection-2001]. M.: Nauka, 2002. P. 198–211 (in Russian).

Eleukenova G. Sh. *Ocherk istorii srednevekovoj skul'ptury Kazahstana* [An essay on the history of medieval sculpture in Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 1999. 219 s. (in Russian).

Ermolenko L. N. Drevnetyurkskoe izvayanie s pticej iz Vostochnogo Kazahstana [Ancient Turkic sculpture with a bird from East Kazakhstan]. *Arheologiya, etnografiya i muzejnoe delo* [Archeology, ethnography and museum business]. Kemerovo: Nikals, 1999. P. 86–91 (in Russian).

Ermolenko L. N. Eshche raz o golove statui Kyul' — Tegina [Once again about the head of the statue of Kul-Tegin]. *Mezhdunarodnaya konferenciya po pervobytnomu iskusstvu: Tezisy*

dokladov [International Conference on Primitive Art: Abstracts of reports]. Kemerovo: Izd-vo KemGU, 1998. P. 96–97 (in Russian).

Ermolenko L. N. Mogli li raskrashivat'sya drevnetyurkskie izvayaniya? [Could ancient Turkic statues be painted?]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: M-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Petrovicha Gryaznova. Kn. II* [Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Mikhail Petrovich Gryaznov. Book II]. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. P. 236–239 (in Russian).

Ermolenko L. N. Ob izvayaniyah s pticej [About sculptures with a bird]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po probleme: "Istoriya i kul'tura narodov Evrazii: drevnost", srednevekov'e i sovremennost' ("Pervye Validovskie chteniya")*. [International Scientific conference on the problem: "History and culture of the peoples of Eurasia: antiquity, Middle Ages and modernity" ("The First Validov's Readings")]. Ufa: Izd-vo BGU, 1992. P. 94–96 (in Russian).

Ermolenko L. N. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazhstanskikh stepej (tipologiya, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzreniya)* [Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 132 s. (in Russian).

Ershov S. A. Nekotorye itogi arheologicheskogo izucheniya nekropolya s ossuarnymi zahoroneniyami v rajone goroda Bajram-Ali (raskopki 1954–1956 gg.) [Some results of the archaeological study of the necropolis with ossuary burials near the city of Bayram-Ali (excavations 1954–1956)]. *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii AN TSSR*. [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the TSR]. 1959. Is. V. P. 160–204 (in Russian).

Fazlallah Rashid ad-Din. *Oguz-name*. Baku: Elm, 1987. 128 s. (in Russian).

Florinskij V. M. Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ih doistoricheskoy zhizni. Opyt slavyanskoj arheologii: Istoriko-geograficheskij ocherk Sibirskih i Turkestanskikh ravnin. O kamennyh i kostyanyh orudiyah i o tak nazyvyaemom kamennom veke. O goncharnyh i steklyannyh izdeliyah [Primitive Slavs on the monuments of their prehistoric life. The experience of Slavic archaeology: Historical and geographical sketch of the Siberian and Turkestan plains. About stone and bone tools and the so-called Stone Age. About pottery and glass products]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo un-ta. Kn. 9* [Proceedings of the Imperial Tomsk University. Book 9]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1896. Part 2. Is. 1 272 s. (in Russian).

Florinskij V. M. Primechaniya k opisaniyu arheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta [Notes to the description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. *Arheologicheskij muzej Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mihajlova i Makushina, 1888. 275 s. (in Russian).

Gafferberg E. G. Perezhitki religioznyh predstavlenij u beludzhej [Remnants of religious beliefs among the Beludj]. *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Srednej Azii* [Pre-Muslim beliefs and rituals in Central Asia]. M.: Nauka, 1975. P. 224–247 (in Russian).

Gerodian. Istoriya imperatorskoj vlasti posle Marka. Kn. 4 [The history of imperial power after Mark. Book 4]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1972. no. 3. P. 241–261 (in Russian).

Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany [Travel to Eastern countries]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. M. : Mysl', 1997. P. 86–189 (in Russian).

Ibn Hordadbekh. *Kniga putej i stran* [The Book of Ways and countries]. Baku: Elm, 1986. 427 s. (in Russian).

Il'yasova S. R., Il'yasov Dzh. YA., Imamberdiev R. A., Iskhakova E. A. “*Net blaga v bogatstve...*”. *Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa IX–XII vekov* [“There is no good in wealth...”. Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the IX–XII centuries]. M. : Fond Mardzhani, 2016. 595 s. (in Russian).

Inostrancev K. A. K istorii do-musul'manskoj kul'tury Srednej Azii [On the history of pre-Muslim culture of Central Asia]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Petrograd: Tipogr. Akademii nauk, 1917. Vol. 24. P. 133–144 (in Russian).

Ivanov V. V., Toporov V. N. Pticy [Birds]. *Mify narodov mira*. [Myths of the peoples of the world]. M. : Sovetskaya enciklopediya, 1992. Vol. 2. P. 346–349 (in Russian).

Kalaly-gyr 2: Kul'tovyj centr v Drevnem Horezme IV–II vv. do n. e. [Kalaly-gyr 2: A cult center in Ancient Khorezm of the IV–II centuries BC] M.: Vostochnaya literatura, 2004. 286 s. (in Russian).

Ketmen' — Tyube: arheologiya, istoriya [Ketmen-Tube: archeology, history]. Frunze: Ilim, 1977. 228 s. (in Russian).

Kiselev S. V. Neizdannye nadpisi enisejskih kyrgyzov [Unpublished inscriptions of the Yenisei Kyrgyz]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1939. no. 3. P. 124–134 (in Russian).

Klyashtornyj S. G. *Istoriya Central'noj Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and monuments of Runic writing]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. 560 s. (in Russian).

Klyashtornyj S. G. Vsadniki Kochkorskoj doliny [Horsemen of the Kochkor valley]. *Evraziya skvoz' veka* [Eurasia through the ages]. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo f-ta SPbGU, 2001. P. 213–215 (in Russian).

Klyashtornyj S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnej Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. SPb: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 s. (in Russian).

Kononov A. N. *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, hana hivinskogo* [Genealogy of Turkmens. The work of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 284 s. (in Russian).

Konstantinov N. A., Soyonov V. I. Sokolinaya ohota v Gornom Altae [Falconry in the Altai Mountains]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri*. [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Bator: Izd-vo MonGU, 2012. Vol. 2. Is. 3. P. 374–381 (in Russian).

Kormushin I. V. *Tyrurkskie enisejskie epitafii: grammatika, tekstologiya* [Turkic Yenisei epitaphs: grammar, textology]. M. : Nauka, 2008. 341 s. (in Russian).

Koshelenko G. A. *Rodina parfyany* [Homeland of the Parthians]. M. : “Sovetskij hudozhnik”, 1977. 176 s. (in Russian).

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g.* [The Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. 619 s. (in Mongolian, Russian).

Kovalevskij A. P. *Kniga Ahmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The book of Ahmed ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921–922. Articles]. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo gosuniversiteta, 1956. 347 s. (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 232 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Kubarev G. V. *Kamennye izvayaniya drevnih tyurok YUzhnoj Sibiri: katalog kollekcii Muzeya istorii i kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka i Istoriko-arhitekturnogo muzeya pod otkrytym nebom IAET SO RAN* [Stone sculptures of the Ancient Turks of Southern Siberia: catalog of the collection of the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East and the Open-air Historical and Architectural Museum of IAET SB RAS]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. 79 s. (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov)* [Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Zabelin V. I. *Avifauna Central'noj Azii po drevnim risunkam i arheologo-etnograficheskim istochnikam* [Avifauna of Central Asia according to ancient drawings and archaeological and ethnographic sources]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2006. no. 2 (26). P. 87–103 (in Russian).

Kychanov E. I. *Karluk Boyan' Czundao — yuan'skij konfucianec* [Karluk Boyan Tsundao — Yuan Confucian]. *Tyurkologicheskij sbornik-2003–2004* [Turkological collection-2003–2004]. M.: Vostochnaya literatura, 2005. P. 145–151 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *O naznachenii drevnetyurkskih kamennyh izvayaniy, izobrazhayushchih lyudej* [On the purpose of ancient Turkic stone statues depicting people]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archaeology]. 1964. no. 2. P. 27–39 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka* [The history of Tuva in the Middle Ages]. M.: Izd-vo MGU, 1969. 212 s. (in Russian).

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka)* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century)]. *Istoriko-etnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka* [Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 1983. 176 s. (in Russian).

Lipets R. S. *Otrazhenie pogrebal'nogo obryada v tyurko-mongol'skom epose* [Reflection of the funeral rite in the Turkic-Mongolian epic]. *Obryady i obryadovyj fol'klor* [Rites and ritual folklore]. M.: Nauka, 1982. P. 212–236 (in Russian).

Livshic V. A. *Sogdijskaya epigrafika Srednej Azii i Semirech'ya* [Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirechye]. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo f-ta SPbGU, 2008. 414 s. (in Russian).

Lubsan Danzan. *Altan tobchi* [Altan tobchi]. M.: Nauka, 1973. 440 s. (in Russian).

Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk* [Divan Lugat at-Turk]. Almaty: Dajk-press, 2005. 1281 s. (in Russian).

Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-turk (Svod tyurkskih slov)* [A set of Turkic words]. M.: Vostochnaya literatura, 2010. Vol. 1. 460 s. (in Russian).

Malov S. E. *Enisejskaya pis'mennost' tyurkov* [Yenisei writing of the Turks]. Izd-vo AN SSSR, 1952. 116 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti* [Monuments of ancient Turkic writing]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 451 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [Monuments of ancient Turkic writing of Mongolia and Kyrgyzstan]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 112 s. (in Russian).

Martynov A. I., Chigaeva V. Yu. Kompozicionnoe rassmotrenie syuzhetov s pticami v naskal'nom iskusstve Severnoj Azii [Compositional consideration of plots with birds in the rock art of Northern Asia]. *Sovremennye problemy arheologii Rossii* [Modern problems of archeology of Russia]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vol. 2. P. 315–318 (in Russian).

Marshak B. I. *Sogdijskoe srebro. Oчерki po vostochnoj torevtike* [Sogd silver. Essays on Eastern Toreutics]. M.: Nauka, 1971. 191 s. (in Russian).

Marshak B. I., Raspopova V. I. Kochevniki i Sogd [Nomads and Sogd]. *Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij* [Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 1989. P. 416–426 (in Russian).

Mejtarchijan M. B. *Pogrebal'nye obryady zoroastrizma* [Funeral rites of Zoroastrianism]. M.; SPb.: IV RAN, Letnij sad, 2001. 248 s. (in Russian).

Meshkeris V. A. *Koroplastika Sogda* [Koroplasty of Sogd]. Dushanbe: "Donish", 1977. 126 s. (in Russian).

Meshkeris V. A. *Terrakoty Samarkandskogo muzeya. Katalog drevnih statuetok i drugih melkih skul'pturnyh izdelij iz obozhzhyonnoj gliny, hranyashchihsya v Respublikanskom Muzee istorii i kul'tury i iskusstva UzSSR v gorode Samarkande* [Terracotta of the Samarkand Museum. Catalog of ancient figurines and other small sculptures made of baked clay, stored in the Republican Museum of History and Culture and Art of the Uzbek SSR in the city of Samarkand]. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. 140 s. (in Russian).

Modorov N. S. Kamennye izvayaniya i naskal'nye risunki Gornogo Altaya [Stone sculptures and rock carvings of the Altai Mountains]. *Arheologiya i kraevedenie Altaya (tezisy dokladov k konferencii)* [Archeology and local history of Altai (abstracts of reports for the conference)]. Barnaul: Novoaltajskaya tipografiya, 1972. P. 47–48 (in Russian).

Muhammed Yusuf munshi. *Mukim-hanskaya istoriya* [Mukim-khan's history] / Tr. by A. A. Semenov. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1956. 303 s. (in Russian).

Neklyudov S. Yu. *Geroicheskij epos mongol'skih narodov* [The heroic epic of the Mongolian peoples]. M.: Nauka, 1984. 309 s. (in Russian).

Nesterov S. P. *Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Central'noj Azii v epohu srednevekov'ya* [The Horse in the cults of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 141 s. (in Russian).

Novgorodova E. A. *Obraz pticy kak odin iz simvolov istoriko-kul'turnogo edinstva altajskih narodov Central'noj Azii* [The image of a bird as one of the symbols of the historical and cultural unity of the Altai peoples of Central Asia]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altajskoj yazykovej obshchnosti (XXIX sessiya PIAK, Tashkent, 1986)*. [Historical and cultural contacts of the peoples of the Altai linguistic community (XXIX session of PIAC, Tashkent, 1986)]. M., 1986. Vol. 1. P. 55–56 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Drevnetyurkskaya monumental'naya skulptura iz Semirech'ya v sobranii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Ancient Turkic monumental sculpture from Semirechye in the collection of Tomsk State University]. *Aktual'nye problemy arheologii Evrazii: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 25-letiyu Instituta arheologii im. A. H. Margulana* [Actual problems of archeology of Eurasia: A collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th anniversary of the A. H. Margulan Institute of Archaeology]. Almaty: In-t arheologii im. A. H. Margulana, 2016. P. 457–470 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Drevnetyurkskie izvayaniya v Zavhane (k svodu arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoj Mongolii) [Ancient Turkic sculptures in Zavkhan (to the set of archaeological monuments of Western Mongolia)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the International Scientific Conference]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2010. P. 258–262 (in Russian).

Plano Karpini. Istoriya mongalov [The history of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern countries]. M.: Mysl', 1997. P. 29–85 (in Russian).

Pletneva S. A. *Poloveckie kamennye izvayaniya* [Polovtsian stone sculptures]. M.: Nauka, 1974. 200 s. (in Russian).

Pugachenkova G. A., Rempel' L. I. Samarkandskie ochazhki [Samarkand hearths]. *Iz istorii iskusstva velikogo goroda (k 2500-letiyu Samarkanda)* [From the history of art of the great city (to the 2500 anniversary of Samarkand)]. Tashkent: Izd-vo literatury i iskusstva im. Gafura Gulyama, 1972. P. 206–234 (in Russian).

Radlov V. V. Predvaritel'nyj otchet o rezul'tatah snaryazhennoj s Vysochajshego soizvoleniya Imperatorskoyu Akademiyu Nauk ekspedicii dlya arheologicheskogo issledovaniya bassejna r. Orhona. Prilozhenie III. Predvaritel'nyj otchet ob issledovaniyah po r. Tole, Orhonu i v YUzhnom Hangae chlena ekspedicii N. M. Yadrinceva [Preliminary report on the results of the expedition equipped with the Highest permission of the Imperial Academy of Sciences for the archaeological study of the Orkhon River basin. Annex III. Preliminary report on research on the Tolya River, Orkhon and in the Southern Khangai by expedition member N. M. Yadrintsev]. *Sbornik trudov Orhonskoj ekspedicii*. [Proceedings of the Orkhon expedition]. SPb.: Tipografiya Imp. Akad. nauk, 1892. Is. 1. 113 s. (in Russian).

Rapoport Yu. A. *Iz istorii religii drevnego Horezma (ossuarii)* [From the history of religion of ancient Khorezm (ossuaries)]. M.: Nauka, 1971. 128 s. (in Russian).

Raspopova V. I. Goncharye izdeliya sogdijcev C ujskoj doliny. Po materialam raskopok na Ak-Beshime v 1953–1954 gg. [Pottery of the Sogdians of the Chui Valley. Based on the materials of excavations at Ak-Beshim in 1953–1954]. *Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii*. [Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition.]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. Vol. 4. P. 138–163 (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisej. T. I. Kn. 1* [Collection of chronicles. Book 1 Tr. by L. A. Hetagurov]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Vol. 1. 220 s. (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisej. T. I. Kn. 2* [Collection of chronicles. Book 2 /Tr. by O. I. Smirnova]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Vol. 1 316 s. (in Russian).

Samashev Z. S. Otchet o rabotah Zapadnokazahstanskoj arheologicheskoy ekspedicii IA MON RK na territorii Atyrauskoj oblasti RK v 1999 g. Almaty, 2000 [Report on the work of the West Kazakhstan archaeological expedition of IA MES RK on the territory of Atyrau region of RK in 1999 Almaty, 2000]. *Arhiv IA MON RK*. [Archive of IA MES RK]. P. 4–24 (in Russian).

Savinov D. G. Izobrazitel'nye pamyatniki i ritual (po materialam epohi bronzy Yuzhnoj Sibiri) [Pictorial monuments and ritual (based on the materials of the Bronze Age of Southern Siberia)]. *Mezhdunarodnaya konferenciya po pervobytnomu iskusstvu*. [International Conference on Primitive Art.. Kemerovo: Nikals, 2000. Vol. 2. P. 197–206 (in Russian).

Semenov A. A. *Etnograficheskie ocherki Zarafshanskih gor, Karategina i Darvaza* [Ethnographic essays of the Zarafshan mountains, Karategin, and Darvaz]. M. : T-vo skoropechatni Levenson A. A., 1903. 112 s. (in Russian).

Sevortyan E. V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. M. : Nauka, 1974. 768 s. (in Russian).

Simakov G. N. *Sokolinaya ohota i kul't hishchnyh ptic v Srednej Azii (ritual'nyj i prakticheskij aspekty)* [Falconry and the cult of birds of prey in Central Asia (ritual and practical aspects)]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. 312 s. (in Russian).

Simakov G. N. *Sokolinaya ohota i voennoe delo u kochevnikov Srednej Azii i Kazakhstana* [Falconry and military affairs among the nomads of Central Asia and Kazakhstan]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. SPb.: MAE RAN, 1994. Is. 5–6. P. 64–72 (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Harizma i vlast' v epohu Chingis-hana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. SPb.: Evraziya, 2013. 382 s. (in Russian).

Smirnova O. I. *Ocherki iz istorii Sogda* [Essays on the history of Sogd]. M. : Nauka, 1970. 287 s. (in Russian).

Snesarev G. P. *Relikty domusul'manskih verovanij i obryadov u uzbekov Horezma* [Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm]. M. : Nauka, 1969. 336 s. (in Russian).

Soyonov V. I., Konstantinov N. A. *Ohotnich'ya deyatel'nost' naseleniya Altaya v I tys. n. e.* [Hunting activity of the Altai population in the I millennium A. D.]. Gorno-Altajsk: GAGU, 2014. 310 s. (in Russian).

Sokolova Z. P. *Kul't zhiivotnyh v religiyah* [The cult of animals in religions]. M. : Nauka, 1972. 214 s. (in Russian).

Sokrovishcha drevnego Taraza [Treasures of ancient Taraz]. Almaty: Mektep, 2008. 183 s. (in English, Kazakh, Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskij yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to language data]. M. : Nauka, 2006. 907 s. (in Russian).

Tabaldiev K. Sh. *Drevnetyurkskie runicheskie nadpisi Kochkorskoj doliny* [Ancient Turkic runic inscriptions of the Kochkor valley]. *Nasledie material'noj i duhovnoj kul'tury Kyrgyzstana* [Heritage of material and spiritual culture of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilim, 2005. P. 21–25 (in Russian).

Tenishev E. R. O naddialektnom haraktere yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov [On the supra-dialect character of the language of the Turkic runic monuments]. *Turcologica: K semidesyatiletiyu akademika A. N. Kononova* [Turcologica: To the seventieth anniversary of Academician A. N. Kononov]. L.: Nauka, 1976. P. 164–172 (in Russian).

Sharaf ad-Din Ali Jazdi. *Zafar-name. Tr. by A. Ahmedov* [Zafar-name Tr. by A. Ahmedov]. Tashkent: “SAN”AT”, 2008. 485 s. (in Russian).

Sharipov R. G. Mirovozzrenie drevnetyurkskoj kochevoj elity i kul't kamennyh izvayaniy [The worldview of the ancient Turkic nomadic elite and the cult of stone statues]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2014. Vol. 19. no 1. P. 324–330 (in Russian).

Shastina N. P. Obraz Chingiskhana v srednevekovoj literature mongolov [The image of Genghis Khan in medieval Mongol literature]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. M. : Nauka, 1977. P. 462–483 (in Russian).

Sher Ya. A. *Kamennye izvayaniya Semirech'ya* [Stone sculptures of Semirechye]. M.; L.: Nauka, 1966. 140 s. (in Russian).

Shefer E. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnyh dikovinah v imperii Tan* [Golden peaches of Samarkand. A book about foreign curiosities in the Tang Empire]. M. : Nauka, 1981. 614 s. (in Russian).

Ujgurskie delovye dokumenty X–XIV vv. iz Vostochnogo Turkestana [Uyghur business documents of the X–XIV centuries from East Turkestan] M.: Vostochnaya literatura, 2013. 326 s. (in Old Uyghur, Russian)

Yamaeva E. E. Naskal'nye risunki epohi srednevekov'ya: ujugury v Gornom Altae (po materialam pamyatnikov doliny Karakol) [Rock paintings of the Middle Ages: Uighurs in the Altai Mountains (based on the materials of the monuments of the Karakol Valley)]. *Nauchnyy vestnik Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University]. 2009. no. 4. P. 57–61 (in Russian).

Yurchenko A. G. *Elita Mongol'skoj imperii: vremya prazdnikov, vremya kaznej* [The elite of the Mongol Empire: the time of holidays, the time of executions]. SPb.: Evraziya, 2012. 432 s. (in Russian).

Vasil'ev D. D. Vosstanovlennye fragmenty tyurkskoj runicheskoy nadpisi stely mogil'nika Ujtag (Respublika Hakasiya RF) [Restored fragments of the Turkic runic inscription of the Uyttag burial stele (Republic of Khakassia of the Russian Federation)]. *Epigrafika Vostoka*. [Epigraphy of the East]. M. : IV RAN, 2016. Is. XXXII. P. 40–56 (in Russian).

Vasil'ev D. D., Nasilov D. M. K prochteniyu Abakanskogo pamyatnika [To the reading of the Abakan monument]. *Srednevekovyj Vostok: istoriya, kul'tura, istochnikovedenie* [Medieval East: history, culture, source studies]. M. : Nauka, 1980. S. 60–66 (in Russian).

Vinnik D. F. Istoriya izucheniya kamennyh izvayaniy Kyrgyzstana [History of the study of stone statues of Kyrgyzstan]. *Iz istorii i arheologii drevnego Tyan' — Shanya* [From the history and archeology of the ancient Tien Shan]. Bishkek: Ilim, 1995. P. 160–175 (in Russian).

Vinnik D. F. K istoriko-topograficheskomu izucheniyu urochishcha Koj-Sary (po materialam rabot Issyk-Kul'skogo arheologicheskogo otryada, 1960) [To the historical and topographic study of the Koi-Sary tract (based on the materials of the Issyk-Kul archaeological detachment,

1960)]. *Izvestiya Kirg. SSR. Seriya obshchestvennyh nauk* [Proceedings of Academy of Sciences of Kirgiz SSR. Social Sciences series]. 1963. Is. 1. Vol. 5. P. 25–43 (in Russian).

Vojtov V. E. *Drevnetyurkskij panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nyh pamyatnikah Mongolii VI–VIII vv.* [The Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult and memorial monuments of Mongolia of the VI–VIII centuries]. M. : Izd-vo Gosudarstvennogo muzeya Vostoka, 1996. 152 s. (in Russian).

Vorob'eva S. N., Nefedov N. Yu. Zolotye izdeliya iz Erkurgana [Gold products from Yerkurgan]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan]. 1988. no. 7. P. 40–42 (in Russian).

Zuev Yu. A. K etnicheskoj istorii usunej [To the ethnic history of the Usuns]. *Trudy in-ta istorii, arheologii i etnografii AN Kaz. SSR.* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz. SSR, 1960. Vol. 8. P. 5–25 (in Russian).

Zuev Yu. A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: essays on history and ideology]. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 s. (in Russian)

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period. *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. VI. Issue 2. P. 9–20 (in English).

Baumann B. By the Power of Eternal Heaven: The Meaning of Tenggeri to the Government of the Pre-Buddhist Mongols Source. *Extrême-Orient Extrême-Occident*. 2013. № 35. P. 233–284 (in English).

Belli O. Stone Statues and Balbals in Turkic World. *TÜBA-AR*. 2003. Vol. VI. P. 85–116 (in English).

Bogenbaev N., Shaldarbekova A., Zhalmырza A. Symbolic Image of Kut in the Ancient Turkic' Worldview. *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11. P. 615–619 (in English).

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks. *Ural-Altaysche Jahrbücher*. 1965. Vol. 36. Fasc. 3–4. P. 284–291; 1966. Vol. 38. P. 13–43 (in English).

Chen Ling. A Study of Turkic Royal Crowns: With a Discussion of Turkic Xian-Zoroastrian Beliefs. *Eurasian Studies. English Edition*. 2017. № 5. P. 139–198 (in English).

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 990 p. (in English).

Hayashi T. Several Problems about the Turkic Stone Statues. *Türk dili arařtırmaları yilligi (Yearbook of Turkic Studies). Belleten*. 2000. Ankara: Turkish language institution, 2001. P. 221–240 (in English).

Jisl L. The Orkhon Türks and Problems of the Archaeology of the Second Eastern Türk Kaganate (published post mortem in cooperation of Věra Jislová and Jiří Šíma). *Annals of the Náprstek Museum 18*. Praha: National Museum, Náprstek Museum of Asian, African and American Cultures, 1997. P. 1–112 (in English).

Kageyama E. The Winged Crown and the Triple-crescent Crown in the Sogdian Funerary Monuments from China: Their Relation to the Hephthalite Occupation of Central Asia. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2007. Vol. 2. P. 11–22 (in English).

Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians. *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 35. no. 1/2. P. 67–80 (in English).

- Lerner J. A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China. *Sino-Platonic Papers*. no. 168 (December, 2005). 56 p. (in English).
- Pugachenkova G. A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries. *Bulletin of the Asia Institute. New Series*. 1994. Vol. 8. P. 227–243 (in English).
- Schafer E. H. Falconry in T'ang Times. *T'oung Pao. Second Series*. 1958. Vol. 46. Livr. 3/5. P. 293–338 (in English).
- Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Turks. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2009. Vol. 4. P. 119–133 (in English).
- Talat Tekin. *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 p. (in English).
- Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, par Ch. E. de Ujfalvy de Mezo-Kovesd. Vol. II. Paris, 1879. 208 p. (in French).
- L'empire de Gengis-khan dans la miniature Mogole. Photographies de B. et W. Forman, texte de J. Marek et H. Knižková. Praha: Artia, 1963. 48 p. (in French).
- Liu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Buch I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 p. (in German).
- Tryjarski E. *Zwyczaje pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1991. 415 p. (in Polish).
- Aydın E., Alimov R., Yıldırım F. *Yenisey — Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s. (in Turkic).
- Bajbosynov K. *Zhambyl onirindegi tas musinder (Kamennye izvayaniya Zhambyl'skoj oblasti)*. Fotoal'bom [Stone sculptures of Zhambyl region] Almaty: Oner, 1996. 176 s. (in Kazakh).
- Çeşmeli İ. Kök türklerde ikonografik açıdan kuş figürleri. *Art-Sanat Dergisi*. 2015. Vol. 4. P. 67–80 (in Turkic).
- Mongolyn arheologijn ov. V bot'. Mongolyn hyn chuluu*. [Mongolyn arheologijn ov. V bot'. Mongolian hunk] Ulaanbaatar, 2016 (in Mongolian).
- Osawa T. Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlar Üzerine Yeni Araştırmalar. *Türk Dilleri Araştırmaları 10*. 2000. P. 191–204 (in Turkic).
- Tydev L. *Chuluuzhsan hyn. "Dal" soniny gazraas hevlyxlev* [Chuluuzhsan hyn. "Dal" soniny gazraas hevlyxlev]. Ulaanbaatar, 2014 (in Mongolian).
- Erdenebat U. *Mongol shuvuulahuj (Түүх, etnoarheologi, soyolyn antropologijn sudalгаа)* [Mongol shuvuulahuj (History, ethnoarcheology, soyolyn antropologijn sudalгаа)]. Ulaanbaatar: Selengepress, 2014. 328 s. (in Mongolian).
- User H. Ş. Yenisey Yazıtlarının Okunma ve Anlamlandırılması Üzerine Yeni Öneriler-II. *Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu, 26–29 Mayıs 2010. Bildiriler Kitabı. 2. Cilt*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Basımevi, 2011. S. 767–774 (in Turkic).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023

Принята к публикации: 20.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023